

КОСМОС

*...но всегда он был, есть и будет
вечно живым огнем...*

Гераклит

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА ГИЗАТУЛЛИНА - учительница английского языка
МАУ СОШ №35 г. Бугульмы, 42 года

АНДРЕЙ – сын Татьяны, музыкант никому не известной группы, 22

ИЛЬДАР ГИЗАТУЛЛИН – покойный муж Татьяны. 21

СЕРГЕЙ ЛЫСОВ – первый в истории Бугульминского района космонавт, бывший
одноклассник Татьяны, 42

ГУЛЯ – бывшая одноклассница Татьяны, бухгалтер ЖЭУ, 42

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ - директор МАУ СОШ №35 г. Бугульмы, за 60

НАДЕЖДА МАРКОВНА – учительница музыки МАУ СОШ №35 г. Бугульмы, 55

ГУРГЕН – учитель физкультуры МАУ СОШ №35 г. Бугульмы, 40

НИНА -

ПЕТИН -

ЖАНЕБЕК - ученики 10 А класса МАУ СОШ №35 г. Бугульмы

МИККИ РУРК, он же **ДЖОННИ** из фильма **9,5 недель**

ОПЕРАТОР

ЖУРНАЛИСТКА

СТАРШУКА В ЖЭУ

А также другие бугульминцы: школьники, пенсионеры, учителя, случайные прохожие.

Действие происходит в городе Бугульме и в телевизоре. На дворе конец 2010-х гг.

1. БОРЩ

Город Бугульма, весна, апрель, слякоть. Очаги снега. Поздний час. Очаги грязи. Где-то лед. Сырость в воздухе. Тонированная Лада Приора припарковалась у ларька. Из водительского окна звучит РАДИО ДАЧА.

РАДИО. Пшшшш.... Много кто в детстве мечтал стать космонавтом. Освоили эту сложную и весьма интересную профессию единицы. В их числе наш земляк, бугульминец Сергей Лысов. В прошлом году Сергей совершил свой второй полет в

Космос, проведя на борту МКС в общей сложности 172 дня. И вот, уже в июне этого года, ему предстоит рекордный для российской космонавтики третий вылет...пшшш.

Пшшш...А после Бузулука, где Сергей окончил высшее летное военное училище, наш земляк посетит и свою малую Родину. Визит в родной город совпадет по времени с большим праздником – Днем космонавтики - и станет первым для Сергея приездом в Бугульму с момента окончания школы. На Родине он не был двадцать пять лет...пшшш...

И снова с вами РАДИО ДАЧА. В Бугульме полночь. И далее для вас прозвучит энергичная и жизнерадостная композиция Валерия Леонтьева «Я заводной»

Загорается ближний свет, водитель наваливает музыку, машина с грохотом трогается.

Панельный дом. Первый этаж. В окне толстая женщина жарит на кухне картошку. Мерцает на холодильнике телевизор. Мерцает, но ничего не показывает, вернее, показывает с помехами. Какая разница? Не эта женщина героиня пьесы. И не та, что в другом доме на восьмом этаже смотрит в окно, сидя на табурете. Смотрит на противоположную девятиэтажку. На девятый этаж смотрит. А там тьма. Раньше там жил ее одноклассник, пока его не отнесли на кладбище с перитонитом. Он много курил и она ему говорила: «Не кури Айдар!» Но Айдар не слушал. Теперь он там, куда уходит сигаретный дым, а она здесь, на табурете. Но не она героиня пьесы.

Весна в Бугульме точно такая же, как и весна в Бузулуке. Весна в Бузулуке точно такая же, как и весна в Бугуруслане. Весна в Бугуруслане точно такая же...

Тот же дом. Тот же город. Ночь. Там в ночи пролетает спутник. Там, в ночи на Международной Космической Станции скучают трое одиноких мужчин. Один из них американец. Двое других – нет. Но это там, там, там

А здесь – Бугульма, ночь, хрущевка. Однокомнатная квартира. Санузел сдвоен. У соседей наверху день рождения. Танцы. Смех. Радость. Пьяный именинник, свалился на пол. Грохот на весь дом. А женщина этажом ниже даже не вздрогнула. Женщина этажом ниже занята другим. Это Татьяна Викторовна Гизатуллина, учительница английского языка Средней Образовательной Школы номер 35. Утро день и вечер она активно провела на работе, а сейчас застыла в неудобной позе на софе, доставшейся ей от покойной матери. Софа та стоит у стенки с ковром, доставшимся ей от покойной бабушки. А застыла Татьяна Викторовна, потому что смотрит телевизор, купленный ей двадцать два года назад на компенсационные деньги за смерть мужа. Вот его фотография на ковре. С черной рамкой. С черной диагональю. Погиб муж. На войне погиб. В горячей точке. А телевизор остался. И видеомэгаффон тоже остался, GOLDSTAR называется. И крутится в том видеомэгаффоне кассета. «Девять с половиной недель. Художественный фильм. США».

В комнату к Татьяне Викторовне заходит Микки Рурк, вернее - Джонни. На нем брюки, белая рубашка с закатанными рукавами, в правой руке – нож, в левой - тарелка со свежей, сочной дыней. Сорт «Дубовка». Дыня порезана на кусочки. Джонни медленно крадется к Татьяне.

ДЖОННИ. Комон, бейби. А ю хангри?
ТАТЬЯНА. Сорри, уот дид ю сей?
ДЖОННИ. Айм, аскинг, а ю хангри фор ми?
ТАТЬЯНА. Ой, Джонни... ай донт ноу... соу... соу иф ай сей йес...
ДЖОННИ. Хангри, ор нот - вет воз ве куэшн,
ТАТЬЯНА. Хангри. Йес, айм хангри. Вери мач хангри!
ДЖОННИ. Грейт. Кайнд оф ю. Вен доунт мув. Энд клоуз ёр айз. Плиз, клоуз ё айз,
Элизабет.

Татьяна Викторовна послушно закрывает глаза. Джонни уже на софе.

ДЖОННИ. Ветс райт, бейб. Нау, оупен ё мауф. Донт би эфрейд. Ноу, ноу, ноу -доунт мув! Даз вис фрайтен ю?
ТАТЬЯНА. Йййес...
ДЖОННИ. Даз вис эксайт ю?
ТАТЬЯНА. Йес... Эксайтс вери мач!
ДЖОННИ. Еа. Осом! Ит даз ми ту. Нау оупен ё мауф.
ТАТЬЯНА. Эгейн что ли? Айм олреди дан ит, ханни...
ДЖОННИ. Тшшш....би э гуд гёрл. Трай ту гуесс уатс вис?

Джонни опускает в рот Татьяны Викторовны кусок дыни.

ТАТЬЯНА. Ммм...мэлон? Итс суитти лайк э мэлон...
ДЖОННИ. Кайнд оф ю. Мэлон. Суитти мэлон. Из ит суитти лайк ми?
ТАТЬЯНА. Йес ит из! Итс рили лайк ю, дарлин. Соу суити, суити!
ДЖОННИ. А ю шуэ?
ТАТЬЯНА. Йес айм соу шуэ... Айм соу хангри!
ДЖОННИ. Вен ай уил фид ю, бейб. Уонт ю?
ТАТЬЯНА. Соу мач, ханни. Уай а ю аскинг?
ДЖОННИ. Ай вилл кук фо ю, бейб. Ай вилл кук энд фид ю, тил ве энд оф май лайф.
ТАТЬЯНА. Сэй ит эгейн! Плиз...
ДЖОННИ. Ай вил кээ эбаут ю. Ай вил ду ве вашиг инстед оф ю!
ТАТЬЯНА. Оу, Джонни! А ю киддинг?!
ДЖОННИ. Ноу, Элизабет. Айм нот киддинг. Айм джаст кукинг. Энд вашинг.
ТАТЬЯНА. Джонни, дарлинг. - ноубади дид ве вашинг инстедн оф ми!
ДЖОННИ. Ай вил ду ит!
ТАТЬЯНА. Ой, мамочки.

ДЖОННИ. Тшшш. Донт край. Би э пейешнт. Энд нау, лет ми аск ю уан финг. Плиз, кэн ю тейк оф ё дресс.

ТАТЬЯНА. Сорри, уот?

ДЖОННИ. Ай сэд – тейк-оф-ё-дресс.

ТАТЬЯНА. Ой, мамочки... Бат... бат иф ай доунт вонт ту...

ДЖОННИ. Вен ю кэн аск ми ту лив.

ТАТЬЯНА. Бат ай донт вонт ю ту лив.

ДЖОННИ. Вен ду ит фор ми. Тэйк оф ё дресс. Итс соу изи. Гив ми сам плэже. Ай джаст вонт ту лук эт ве аутлайн оф ё бади.

ТАТЬЯНА *(медленно расстегивает халат)*. Божечки...

ДЖОННИ. Йес. Ветс вэй, Элизабет, слоули, грейт. Энд нау – стоп.

ТАТЬЯНА. Самфинг вронг, бейб?

ДЖОННИ. Ноу. Еврифингс ок. Ю а вандерфул. Бат...нау ай вонт самфинг спешиап.

ТАТЬЯНА. Уат?

ДЖОННИ. Донт пэник.

ТАТЬЯНА. Уат ду ю мин?..

ДЖОННИ. Соу...нау ай-вонт-сам-борщ-фром-ю...

ТАТЬЯНА. Ай донт андерстенд, ханни.

ДЖОННИ. Итс изи. Гив ми сам борщ.

ТАТЬЯНА. Микки?!

ДЖОННИ. Айм нот Микии, айм Джонни, бейб... энд ай вонт ё борщ!

ТАТЬЯНА. Джонни, уат ве хелл а ю токинг эбаут?!

ДЖОННИ. Борщ! Айм токинг эбаут борщ! Гив ми сам борщ, Татьяна Викторовна! Хот факинг борщ! Спайси рашн борщ! Борщ! Борщ! Борщ!

Татьяна вскакивает. По видео идет прекрасный фильм с Микки Рурком и Ким Бессинджер. Напротив Татьяны стоит молодой человек в верхней одежде. В руках – поварешка. Это сын Татьяны, Андрей. Он только что вернулся домой с репетиции никому не известной группы. За окном три часа утра.

ТАТЬЯНА *(быстро выключает видео)*. Черт! Стьюпид! Уат ве хелл, Андрюша?!

АНДРЕЙ. Мам, ты чего? Ты в порядке?

ТАТЬЯНА. Щит! Фак! Напугал. Ты где шляешься по ночам? Мне что по моргам звонить? Ты меня угробить хочешь? Что ты на меня вылупился, как наркоман?!

АНДРЕЙ. Да я это... Я просто поесть хотел. У нас борщ остался вчерашний?

ТАТЬЯНА. Уат? Борщ?

АНДРЕЙ. Ну да, борщ. Вчера же оставался еще? Я в холодильнике посмотрел – нету. Может на балконе?

ТАТЬЯНА. Господи, Андрюша! Балкон, борщ... кого я нарожала, Господи!

2. КЛАДБИЩЕ

Бугульминское кладбище. Обычное кладбище небольшого провинциального города. Там хоронят правоверных мусульман, там старый атеистический участок, тут свежие солидные могилки с гранитом, мрамором, стелами. В целом у кладбища вид ухоженный, несмотря на весеннюю грязь, снег, лужи.

Татьяна и Андрей идут по аллеям с могилками. Идут аккуратно, чтобы не наступить в грязную жижищу. Татьяна первая. На ней черная косынка, высокие сапоги, старое зеленое пальто, в руках сверток с цветами. Андрей плетется позади с небольшим рюкзачком. На нем засаленная двухсторонняя куртка, хипстерский шарфик. На ногах – белые кроссовки.

ТАТЬЯНА. Еще раз такой придешь – я тебе не знаю что сделаю. Я тебе башку оторву и не обижайся потом. Знает же, что такой день, что у отца поминки, нет, надо шастать до трех утра. Да ладно бы шастал по человечески: нажрался бы, как мужик, как скотина, приполз бы в хлам, на бровях – это я еще понимаю ... Нет! Он стоит, ни рыба, ни мясо, поварешкой трясет. «МАМА, ДАЙ БОРЩААА ...» - как баба скулит, прости Господи. Андрюша, уэйк ап! Когда ты уже научишься у меня? Двадцать два года тебе, а ты вялый, как не знаю что.

АНДРЕЙ. Мам, я кажись воду в автобусе забыл.

ТАТЬЯНА. Воду? Какую воду, Андрюша?!

АНДРЕЙ, Ну, вода в бутылке, цветы ставить. На могилку которая.

ТАТЬЯНА. И чего?

АНДРЕЙ, Ну, забыл по ходу. Бутылку. В автобусе.

ТАТЬЯНА. Андрей, ты тупой?! А голову не забыл? Господи, нарожала...

АНДРЕЙ. Началось. Как будто я тебя просил.

ТАТЬЯНА. Шат ап. Огрызается он... Я щас тебя сама попрошу!

Андрей останавливается. Демонстративно сплевывает.

АНДРЕЙ. Мне уйти?

ТАТЬЯНА. Ты чего мне здесь устраиваешь, Андрюш, посреди крестов? Революцию? Успокойся, не время сейчас. Чего ты, набычился? Кип ит изи. Проехали. Пошли, говорю. (Андрей трогается с места). Вот и славно. За мной иди. Да смотри, по грязи аккуратнее. Ты слышишь, нет? Грязь кругом. Нет, ну на черта было белые кроссовки надевать? На кладбище и белые кроссовки!

АНДРЕЙ, Так праздник же.

ТАТЬЯНА. Какой праздник, у отца поминки!

АНДРЕЙ. Сама сказала, типа, покрасивее, я и оделся... Черт, жижа кругом!

ТАТЬЯНА. Наступил, да? А я тебе говорила!

АНДРЕЙ, Да как тут ходить вообще! Ты дорогу-то знаешь?

ТАТЬЯНА. Знаю. Как не знать? Двадцать лет уже хожу. Это тебе на отца наплевать, а я ... Ты за оградку держись и по краешку за мной. Да куда ты держишься? Ты щас этому мужику столб завалишь. Господи... да это ж одноклассник мой! Сашка...

Татьяна и Андрей останавливаются у могилы с портретом смеющегося школьника.

АНДРЕЙ, Сашка? Типа ты его знаешь?

ТАТЬЯНА. Ага, знаю. Я тут, типа, пол кладбища знаю, если не больше. Сашка. Саша Курочкин. Хорошенький такой был. Веселый. Портфель мне в первом классе таскал. Ну, пытался хотя бы. Хороший. Не курил даже...

АНДРЕЙ. А чего он тут тогда? Так рано. Двухтысячный всего. Помним, любим, скорбим. Рак?

ТАТЬЯНА. Если бы рак, Андрюша. Скололся он... сторчался...

АНДРЕЙ. Понятно. Наркоман что ли?

ТАТЬЯНА. Наркоман – это мягко сказано. Наркоманище! Это такое наркоманище, Андрюш, я даже не знаю, как тебе сказать. Это тебе не ваши там спайсы-слайсы, чо вы там курите?

АНДРЕЙ. Ты совсем что ли? Чего я тебе курю?

ТАТЬЯНА. Да с тобой-то все понятно. Ты у меня не боец. Борща себе налить и то не можешь, какой тебе спайс. А Сашка... Господи, сколько они в себя всякой дури вкололи. Не дай Бог. А такие хорошенькие все были. И никого, никого не осталось. Абсолютли. Вон Валерка лежит – Хромой. Кличка такая у него была. Хотя он вообще-то и не хромой был. Передоз, Андрюша. Чего ты глаза вытаращил? Пе-ре-доз. А этого видишь, с машиной на плите. Витя БМВ. Ага. Так его и звали – Витя БМВ. Этот у нас самый крутой был на районе. В параллели учился. Тупой как эбонит, греко-римской борьбой занимался. А потом пошло поехало. Бригада у них была. Витя, Ренат и Коля. Водка, рекет, кокаин. Так они себя называли. Фильмов насмотрятся и давай повторять. Брюс Уиллис. Стивен Сигал, и этот еще – Чак Норрис. Шляпа у которого. Уат ве фак дид юсэй эбаут май мазер? Тьфу. А потом Витя себе машину купил, немецкую. А прав у него не было. Весь двор над ним смеялся. А ему плевать. Абсолютли. Тупенький он был. Так и катался без прав. Пока не завалили. Всех их завалили, мальчиков наших. Все они тут и лежат. Коля, Ренат, Витя. Витя БМВ. Даже на тот свет себе БМВ пририсовал. Эбонит... а все равно жалко.

Двигаются дальше.

АНДРЕЙ. Мам, а ты почему тогда?

ТАТЬЯНА. Чего тогда?

АНДРЕЙ. Ну, типа, живая осталась?

ТАТЬЯНА. Живая... Так я же девочка была, Андрюш. Я учиться уехала в Оренбург на переводчика. Пединститут, кафедра романо-германских языков. Сама поступила. Мама аж плакала. Бабушка твоя, Царство ей Небесное. Да у нас все девочки, слава Богу, пристроились. Я, вон, тетя Марина из почты, Наташка еще, ну, тетя Наташа, которая тамада. Гуля из ЖЭУ. Из девочек то все почти и живы. А пацаны...

АНДРЕЙ. А папа.

ТАТЬЯНА. Что папа? Папа на войну пошел.

АНДРЕЙ. А если бы не пошел? Тоже бы... того?

ТАТЬЯНА. Чего того?

АНДРЕЙ. Ну, скололся?

ТАТЬЯНА. Ты придурок, что ли, Андрюша? Ты чего про отца несешь?! Стюпид! У него же медаль со звездой. Он знаешь, какой был? Я б на его месте тебя сейчас придушила.

АНДРЕЙ. Я просто спрашиваю. Ты же мне не рассказываешь ничего.

ТАТЬЯНА. Сто раз тебе говорила - отец наш спортом занимался. Это его и спасло.

АНДРЕЙ. Борьбой?

ТАТЬЯНА. Гимнастикой. Спортивной. На турниках которая. Подтягивался сорок раз. А мог и сто. На физкультуре помню в восьмом классе слетел, когда солнышко делал, и головой в стену – «хрясь»! Мы там все чуть не обделались со страху. Дизастер! Такой звук был: «хрясь»! Я ему потом кровь вытирала с головы. Весь в крови. Такой красивый. Спортсмен. Нет, Андрюш, твой отец другой был, настоящий. Не то что вы сейчас, вялые все какие-то. Да стой ты, куда пошел! Вот она.

Татьяна останавливается у гранитного памятника с очень грязной фотографией. Надпись на камне: ГИЗЗАТУЛИН ИЛЬДАР НАЗИМОВИЧ.

АНДРЕЙ. Эта что ли?

ТАТЬЯНА. Эта. Фотографию не видишь? Черт, грязная фотография-то. Протереть надо, Андрюш. И натоптано здесь. И цветов не осталось. В феврале приносила. Господи! Да чот я все не о том. Ну, здравствуй, здравствуй, Ильдар Назимович! Здравствуй, дорогой муж. Как ты тут поживаешь без нас? Ждешь? Скучаешь? Вот пришли мы тебя попроведовать, я и Андрюша. С сыном пришли. Поздравить тебя, Господи... что я несу, поздравить. Факин щит.

АНДРЕЙ. Мам, ты чего?

ТАТЬЯНА. Поздравить...ужас какой-то.

АНДРЕЙ. Мам, не начинай.

ТАТЬЯНА. Не могу я. Андрюш. На, поставь цветы.

Татьяна передает Андрею сверток. В свертке – желтые тюльпаны.

АНДРЕЙ. Красивые такие. Жалко, замерзнут. А как их ставить-то?

ТАТЬЯНА. Да просто в снег воткни.

АНДРЕЙ. Вот так что ли?

ТАТЬЯНА. Да как хочешь, так и втыкай. Что ты ей Богу, как маленький?!

АНДРЕЙ. Ну, я же не каждый день цветы в могилы втыкаю.

ТАТЬЯНА. Андрей! Ты пьяный? Бутылку забыл, свечи забыл, теперь это...

АНДРЕЙ. Ну, хочешь, я с соседнего участка бутылку возьму?

ТАТЬЯНА. Нет, ты точно дурак, а? Не трогай, говорю! Это другая могила вообще. Чужой человек, чужая бутылка. Просто в снег воткни и все. Да чо ты мнешься?!

АНДРЕЙ. А кричать обязательно?.. *(шепотом)* Мнешься... Завела свой Ацгеймер...

ТАТЬЯНА. Чего?

АНДРЕЙ. Ничего.

ТАТЬЯНА. Что ты сказал, о матери?

АНДРЕЙ. Ничего не сказал.

ТАТЬЯНА. Ты как о матери выражаешься? Кто тебе тут Ацгеймер? Нет, ты это видишь, Ильдар? Видишь, что творится?

АНДРЕЙ. Да ладно тебе. Опять потекла.

ТАТЬЯНА. Видишь, до чего я дошла?..

АНДРЕЙ *(втыкает цветы в снег)*. На, смотри, воткнул. Успокоилась?

ТАТЬЯНА. А в целом, дорогой Ильдар, у нас все хорошо. Живем мы дружно и счастливо. Вот пришли к тебе, наконец. Двадцать два года лежишь ты тут у один. Никого у тебя нет...

АНДРЕЙ. Мам, перестань.

ТАТЬЯНА. А это сын твой, Ильдар. Сын твой возлюбленный - Андрюша. Если бы ты только знал, каким он у нас вырос, Ильдар. Настоящий обрубок. Колледж бросил. Спортом не занимается. От армии бегаёт. Может ты на него повлияешь, Ильдар? Ничего не могу с ним поделаться, с сыном я твоим...

АНДРЕЙ. Я щас уйду.

ТАТЬЯНА. Да куда он, Ильдар, не уйдет. Ничего он у нас не умеет. Ни уходить, не приходиться. Такой он у нас вафля получился. Музыкантом еще называется. Сын наш, представляешь, единственный и - на тебе! - музыкант. Уж прости меня, грешную. На гитаре он у нас играет. Где только играет - непонятно, название одно. Нот вообще не знает. Транспонировать не умеет. Да еще и шляется по ночам...да как-то не так он шляется, Ильдар! Вообще не так. Вообще все не так, Ильдар. Тотал щит!

АНДРЕЙ. Да я в группе играю, чо ты несешь? У меня группа, мы в гаражах репетируем. Нас вообще в Альметьевск позвали на фестиваль в мае. Я еду на фестиваль.

ТАТЬЯНА. Вот такой он у нас получился, Ильдарушка. Сплошной фестиваль. И внуков у нас с тобой, похоже, тоже не будет, Ни девки у него, ни, прости Господи. Сам себе на уме. Ты слышишь, Ильдар! Слышишь? Двадцать два года прошло, Ильдар! ... Все, я больше не могу. Не могу, Андрей. Что еще сказать, Андрюша?!

АНДРЕЙ. Ничего не говори. Только хуже делаешь. Пап, все, мы уходим.

ТАТЬЯНА. Куда это мы уходим?

АНДРЕЙ. На работу. У тебя же работа?

ТАТЬЯНА. Ах, да, работа... Работа Ильдар, ра-бо-та. Работаю я все там же, учителем английского. Как институт закончила - слава Богу, тёща твоя с ребенком посидела, пока я спряжения там сдавала - вот как закончила, так и работаю. В нашей школе Ильдар и

работаю. Представляешь? Ага. Где мы с тобой и учились. В том же классе даже. Вернулась с Оренбурга и работаю. Работаю и жду. Жду, когда к тебе отправлюсь.

АНДРЕЙ. Да хватит причитать!

ТАТЬЯНА. Вот именно - хватит. Хватит меня затыкать. Просто стой и слушай! Стой и слушай, что мать говорит. Я работаю учителем. Я учу детей английскому, чтобы они тут не лежали на этом, нашем с тобой кладбище одноклассников. Чтобы они хоть куда-нибудь дернули отсюда. Куда угодно, но дернули. Поэтому я их и учу. И этому обрубку твоему говорила – учи язык, учи язык. А он два аккорда Ем Ам зажал. И поет про перемены. Да это и я могу, петь, понял, Виктор Цой?! Выучи хотя бы соло из «Ганз энд роузиз» а потом группу собирай. Чо ты вылутился? Молчи и слушай. И ты слушай меня, Ильдар. Я тебя, Ильдар, помню. Я к тебе буду приходить. И цветы тебе буду носить. И Андрей будет носить тебе цветы. И вечером сегодня я накрою стол. Наш большой коричневый стол, на нашей просторной кухне. И за этот стол придет много людей, весь двор придет, все наши друзья. И я приготовлю все, что ты любишь – почки телячьи, помидоры с чесноком, перловку. И я куплю бутылку самого дорогого вина. И я буду тебя вспоминать. И все кто жив – будут тебя вспоминать... Все. Не могу больше. Прощай Ильдар. Не могу. Прощай. Уходим. Уходим, Андрей. Я сказала, уходим!

АНДРЕЙ. Куда уходим-то? Что-то быстро как-то...

ТАТЬЯНА. Пошли, я сказала.

АНДРЕЙ. Дай хоть фотографию отмою.

ТАТЬЯНА. Дождь пойдет - отмоет. Все. Прощай, Ильдар. Фис из ве энд. Пошли я сказала. Я на работу опоздаю. У меня через полчаса работа! Работа!

3. FAMILY

СОШ № 35 г. Бугульмы. Рабочий день. Вторая смена. Кабинет английского языка. Все как и двадцать лет назад. Над доской Блейк и Диккенс. На стенах – ватманы с неправильными глаголами и временами (PAST PRESENT FUTURE PERFECT INDEFINITE CONTINUOUS) За партами три человека из 10 А – остальные учат немецкий или прогуливают. За учительским столом – строгая Татьяна Викторовна в деловом костюме. У одной из парт мнется одетая в толстовку, юбку и джинсы одновременно рыжая девочка Нина.

ТАТЬЯНА. Соу, ок чилдрен. Лет ас старт фром Нина. Нина ю а вэлкам. Плиз кам ту ве блекбоард. Нина, ду ю хиа ми? Вай а ю стэндинг ниа ё чиа?

НИНА. Чего, простите?..

ТАТЬЯНА. Фэмили Нина, ай уонт ю ту телл ас самфинг эбоут ё фэмили. Вэтс ве топик оф ауэ лессон. Из ит биг о смол, Вере дую лив? Ху из ё фавер, мавер, хау мэни браверз дую хэв?

НИНА. Бравер. Йес. Уан. Ай хэв.

ТАТЬЯНА. Ду ю рили хэв бравер, Нина? Ватс хиз нейм? Из хи э спортсмэн, о э сайентист? Так. Стоп. Петин че ты ржешь все время? Телефон убрал. Засунул телефон, я сказала. Щас сам будешь за своего брата рассказывать, где он там у тебя сидит.

ПЕТИН. А чо сразу за брата?

ТАТЬЯНА. Еще раз пикнешь и будешь, я сказала. Заткнулись все и слушаем Нину. Нина встань у доски, че ты там жмешься! Громко и четко расскажи всем кто твои папа-мама. Сколько вас в семье, где вы живете? Как вы проводите уикэнд! Нина, тема урока – фэмили, семья. Фэ-мэ-ли. Фаве, маве...

ТИХИЙ ГОЛОС. Мавефака.

ТАТЬЯНА. Так. не поняла. Это кто щас? Какие-то вопросы? Жанебек – ты?

ЖАНЕБЕК. Чего сразу Жанебек?

ТАТЬЯНА. Заткнись потому что. Кто это сказал, я спрашиваю?!

НИНА. Май фэмили из равер биг, ноу смол.

ТАТЬЯНА. Подожди Нина, шат ап эт вэ минат. Тааак. Олрайтт чидрен. На меня все посмотрели. Кто это сморозил? Молчим. Окей. Ну-ка встали все! Стенд ап энд листен ту ми. Я сказала, встали, ручки положили. Лук ин ту май айз. В общем, дорогой десятый А, если вы думаете, что я тут шучу, то я тут не шучу. Это что, смешно по-твоему, Петин? Оборжешься прям! Фильмов насмотрелись? Умные да? Обдолбались рэпа своего и все позволено, да?! Мани из пауе, паур из э мани, да Петин?

ПЕТИН. Чего сразу Петин! Я вообще. Это с задних парт.

ЖАНЕБЕК. Чо ты катишь на меня?

ПЕТИН. Дыню завали.

ТАТЬЯНА. Шат ап, Петин! Не дыня, а мелон! Суитти мэлон! Так... Стэй сайлент. Хэв э пейшнт. В общем, пьюпилз. Если вы думаете что английский язык – это хихи-хаха, хип-хоп и негры всякие, то вы ошибаетесь. Это мистейк. Это эпик фэйл! Да кому вы вообще нужны будете без языка? Ты. Жанебек, можешь химию не знать, физику. Это я понимаю. Если мозгов нет, с этим ничего не поделаешь. Если гены там... Но язык! Это двадцать первый век, между прочим, Жанебек! Да вы даже в нашей Бугульме без языка никому не сдались, Да вас даже в «Евросеть» не возьмут охранником! Я понятно объясняю?

КЛАСС. Понятно

ТАТЬЯНА. На английском повторили! Из ит клиэ?

КЛАСС, Йес, тича, итс клиэ.

ТАТЬЯНА. Еще раз! Вам понятно?

КЛАСС. Ес офкоз!

ТАТЬЯНА. Вери велл. Пёфект. Теперь - фэмили. Семья, Жанебек. Семья, это не мафер, как ты там сказал...

ЖАНЕБЕК. Да это не я говорил!

ТАТЬЯНА. Дазнт мэйтэ. Фэмили – итс э риэл треже, итс вери импортент. Итс ве фёст финг вет уи шуд лав ин вис ворлд. Из ит клиа, Жанебек?

ЖАНЕБЕК. Йес тича, клиа.

ТАТЬЯНА. Вери гуд. Нау - сели на свои места. Сит даун, Нина. Оупен ё эксерзайз букс. Тетради открыли, я сказала, Петин. Вraith ве хоум ворк – тил вис уик ю шуд райт

э литл ноувел абоут ё фэмили. Эт лист уан пейдж. Сдать в четверг. Фёрсдей. Доунт форгет эбаут дитэйлс. Записали?

ТАТЬЯНА. Йес, тича. Записали.

В кабинете скрипит дверь – в проеме застыла маленькая толстая женщина с химкой на голове - Надежда Марковна.

НАДЕЖДА МАРКОВНА. Татьяна Викторона, извините...

ТАТЬЯНА. Клоуз ве дор, Надежда Марковна, ауа лессон изнт финишт йет.

НАДЕЖДА МАРКОВНА. Чего?

ТАТЬЯНА. Дверь закройте, говорю!

НАДЕЖДА МАРКОВНА. Татьяна Викторовна, там это, вызывает, Эдуард Владимирович.

ТАТЬЯНА. Айм олреди андерстуд. Клоуз ве дор! Айл кам лейтер.

НАДЕЖДА МАРКОВНА. Ага. Лейтер. Так и передам. Лейтер.

Дверь медленно закрывается.

ТАТЬЯНА. Щит! Так. Ок чилдрен. Ай нид визит ве директор. Стей сайлент дьюринг май эбсенс. Я понятно объясняю? Чтобы тихо сидели, пока меня нет. Сейчас ю вилл ду уан таск. Ю вилл листен уан сонг. Итс э вери феймос сонг. Ю ноу. Ве таск из – транслейт ит бай ё селф. Переводим песню на русский язык и никуда не расходимся! Десять минут у вас. Ве бест транслейшен вилл бринг ю э гуд марк. Пятерку за лучший перевод. Из ит клиэ?

КЛАСС. Клиэ ит из!

ТАТЬЯНА. Пёрфект. Хэв э листен. Стивии Уондер. Ай джаст колл ту сэй ай лав ю. И ждем, пока я вернусь. Жанебек – за старшего.

Татьяна достает старую EP кассету, включает магнитофон «Салют». Звучит чудесный Стиви Уандер. Татьяна выходит из класса. Мальчики начинают драться. Нина записывает перевод песни.

СТИВИ УАНДЕР

«Я ПРОСТО ПОЗВОНИЛ, ЧТОБЫ СКАЗАТЬ, ЧТО Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ»

No New year's day to celebrate

Сегодня мы не празднуем Новый Год

No chocolate covered candy hearts to give away

И не дарим друг другу шоколадные конфеты в форме "Сердца".

No first of spring

Сегодня не первый день весны
No song to sing
И петь собственно не о чем,
In fact here's just another ordinary day
Сегодня самый обычный день.

4. КАРАНДАШ

Кабинет директора школы. Очень скромный кабинет, потому что директор тоже очень скромный. Из роскоши – диван из ИКЕИ и картина по номерам, написанная женой директора – «Звездная ночь» Ван Гога. Еще флаги, фото президента и шкаф с бумагами. Но это - мелочи. Да, еще компьютер и монитор 15 дюймов.

Вдоль кабинета - несколько парт в ряд. Это якобы стол для совещаний. За ним совещаются сам Эдуард Владимирович – директор школы, учитель физкультуры Гурген и учительница музыки Надежда Марковна.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. В общем, с музыкантами обговорили, тут вопросов нет. Правильно, Надежда Марковна?

НАДЕЖДА МАРКОВНА. Так точно. Нет вопросов. Выучим. И «Заправлены планшеты» и «Земля в иллюминаторе». Все выучим.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Добро, выучим. Но, знаете, мне бы хотелось что-то поинтереснее. Что-то... музыкально-пластическое. Парад, что ли какой-то. Колонны... Гурген, что вы думаете?

ГУРГЕН. Ну, думаю, сможем.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. А поконкретнее?

ГУРГЕН. Ну, например, маршировка у крыльца, это я организую. Ну, еще разные номера, гимнастические. Пирамида, например. Три ряда. Мы на факультете делали, в Краснодаре – очень красиво. Как в цирке.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Пирамида хорошо. Но надо что-то с Космосом связанное. Что-то космическое.

ГУРГЕН. Ну, на счет космоса... не знаю. Разве что звездочка. Это тоже как пирамида. Только сложнее. Там пять человек друг на друге.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. За неделю справитесь?

ГУРГЕН. Постараемся.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Отлично. Постарайтесь. И подумайте еще немного над форматом. Космос, звездочка... в общем, надо какую-то изюминку найти. Что-то оригинальное.

В кабинет решительно заходит Татьяна Викторовна.

ТАТЬЯНА. Что, уже парад? Здравствуйте, Эдуард Владимирович. Здравствуйте. Не рановато ли к девятому маю готовимся?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Если бы к девятому, Танечка Викторовна. Тут у нас другое.... Да вы присаживайтесь.

ГУРГЕН. Ну, можем на брусках еще. На спортплощадке. Солнышки разные, например, выходы, подъемы с переворотом...

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Подъемы – это замечательно. Бруска мне нравятся. Покажем, так сказать, процесс подготовки будущих - чем черт не шутит – космонавтов. Надежда Марковна, запишите - открытый урок на брусках.

ТАТЬЯНА. Да у вас тут все серьезно, я смотрю: бруска, перевороты. Меня-то зачем дернули? Я что, буду Киплинга читать, пока вы отжимаетесь?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Если бы Киплинга, Танечка Викторовна. Тут дела покрупче. В общем, мы сами в прострации. Едут на следующей неделе. Из Бузулука прямо сюда. Ориентировочно в четверг уже будут. Вот такая засада. Ни черта, не понятно. Никакой программы. Я их спрашиваю – все молчат. Может у вас какие-то идеи, вы же все-таки...

ТАТЬЯНА. Тааак. Я чот не совсем уловила, Эдуард Владимирович. Кто и куда едет? Я вот или прослушала или не поняла.

НАДЕЖДА МАРКОВНА. Что тут понимать, Тань? Ты телевизор давно смотрела? Сережа едет.

ТАТЬЯНА. Какой еще Сережа?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Лысов Сергей Георгиевич, помните такого?

ТАТЬЯНА. Чего? Лысов?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Да. Лысов. Космонавт. Герой России. Два выхода в открытый космос, готовится к третьему полету. Капитан военно-воздушных сил, гвардии орденосец.

ТАТЬЯНА. Вы что шутите? Сережа Лысов едет в Бугульму?

НАДЕЖДА МАРКОВНА. Он.

ГУРГЕН. Вы за новостями вообще следите?

ТАТЬЯНА. Ой, вы только не начинайте. При чем здесь новости?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. При том, Танюша. При том. Лысов Сергей Георгиевич, выпускник нашей с вами 35-й школы, нашего с вами города. Ваш, так сказать, одноклассник едет в Бугульму.

ТАТЬЯНА. Божечки...

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Вот тебе и божечки. Я сам ничего не понимаю, что и зачем, не спрашивайте. Но в нашу школу он и едет. И нам с вами, Танечка Викторовна, нужно срочно что-то придумывать. Так мне там и сказали.

ТАТЬЯНА. Кто сказал?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Наверху, кто же еще.

ТАТЬЯНА. Это что, шутка, Эдуард Владимирович?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Ага. Шутка. КВН. Не смешной только.

ГУРГЕН. Высшая лига Бугульмы.

ТАТЬЯНА. Ха-ха-ха. Очень весело. А зачем? То есть, зачем он сюда едет? Он сам, или как?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Говорят сам. Вначале вон в Бузулук, в летное, а потом к нам. Тур у него по местам былой славы перед полетом. Захотел посмотреть родные пенаты, вспомнить детство. Видимо так у них принято, у этих Героев России?

ТАТЬЯНА. Странно. Предыдущие два раза не приезжал.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. А сейчас видать решил. Что-то почувствовал.

НАДЕЖДА МАРКОВНА. Бог троицу любит.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Это верно, Надежда Марковна.

ТАТЬЯНА. Сережа. Лысов. И сюда... Я не верю...

ГУРГЕН. Эдуард Владимирович, ну а дальше-то что, после парада? Когда он в школу зайдет.

НАДЕЖДА МАРКОВНА. Ой, да не дай Бог. Если он увидит, что у нас тут творится....

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Что у вас творится Надежда Марковна? Чего вы нагоняете страху?

НАДЕЖДА МАРКОВНА. У меня кабинет десять лет не красили.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Так покрасьте!

НАДЕЖДА МАРКОВНА. А двери? Я их что, сама должна менять? Они еще Ельцина помнят.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Я поэтому вас и спрашиваю, как лучше.

ТАТЬЯНА. Это ведь двадцать пять лет назад!

ГУРГЕН. В смысле?

ТАТЬЯНА. Я говорю, двадцать пять лет назад все это было. Зачем ворошить?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Мне сказали, я вам и довожу. Какие-то бесконечные вопросы. Вы мне лучше сами предложите что-нибудь! Что нам делать-то?

ТАТЬЯНА. Там ведь даже парта осталась.

ГУРГЕН. Парта?

ТАТЬЯНА. Парта... за которой он сидел. Мы сидели... Он там вырезал гвоздем еще. Под столешницей.

НАДЕЖДА МАРКОВНА. Это в вашем кабинете которая?

ТАТЬЯНА. В моем кабинете английского языка.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Вот и прекрасно. Отлично. Вери гуд. Используйте эту парту. Покажем ему парту, что-то еще. Давайте-давайте. Нужны темы, идеи. Меня там вздрючат, если не сделаем. Мэр будет, администрация, вся петрушка вот эта. Короче, нужна программа. Встреча, хлеб, соль, песни. Кровь из носу!

ТАТЬЯНА. А еще у меня фотографии осталась. Альбом.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Великолечно.

ТАТЬЯНА. И карандаш.

НАДЕЖДА МАРКОВНА. Как это?

ТАТЬЯНА. Сережин полумягкий карандаш. На черчение он носил.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Замечательно, Танечка Викторовна. Карандаш – это замечательно. Я смотрю у вас вообще уже все готово. В общем, я на вас надеюсь.

ГУРГЕН. А у меня в спортзале, в раздевалке, все стены расписаны – АУЕ. Смерть ментам. Жизнь ворам. Спайс, лед, кокс, соли. Закрашивать?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Ну, вы даете, Гурген Васильевич. Раньше нельзя было?

ГУРГЕН. Да я как-то раньше не обращал внимания.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Все у нас как всегда, в последний момент. В последний момент!

ТАТЬЯНА. Зачем все это ворошить?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Опять вопросы? Наденька – готовьте протокол.

НАДЕЖДА МАРКОВНА. Как скажете. Открытое заседание профессионального педагогического...

ТАТЬЯНА. Глупо все это. Бред какой-то.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Бред не бред – а нам с вами работать.

ГУРГЕН. Завтра все закрасим.

НАДЕЖДА. Педагогического со-ве-та. И за хор можете не волноваться.

5. ПОМИНКИ

Вечер, спальня, телевизор. Перед телевизором маленький накрытый черной скатертью стол. Посередине бутылка красного вина «Душа монаха». Рядом два салата. За столом сидят Татьяна и огромная роскошная женщина – Гуля. По телевизору идут «Бугульминские Новости».

ЖУРНАЛИСТКА. Улыбчивый, скромный и очень смущенный торжественностью речи. Именно таким увидели Сергея Лысова жители Бузулука, собравшиеся в этот вечер в Доме Офицеров.

Насколько это было тяжело? Интересно ли было ему? Каково это лететь над землей, и смотреть на нее. Уже два полета в Космос совершил выпускник бузулукского летного военного училища. А в январе этого года Сергей вновь был назначен командиром космического корабля.

СЕРГЕЙ. Конечно, у нас с моими партнерами предварительно был какой-то образ полета, так сказать, восприятие его. Но то, что мы увидели в реальности... Конечно это не то. Какая удивительная у нас планета! Какие прекрасные открываются виды!

Гуля и Татьяна сидят, не шелохнутся.

ГУЛЯ. Первого июня тарифы поднимут. Только не говори никому. На четыре процента. А на вывоз мусора на все пятнадцать. Сегодня бумага пришла оттуда. Я как узнала, как представила всех этих бабок, как они к нам лезут. Да они же порвут меня

прямо через окошко. Революция будет, Тань. Как жить? Скоро шнурки есть будем. А? А Андрюшка твой скоро вернется?

ТАТЬЯНА. Чего? Революция?

ГУЛЯ, Андрей говорю, у тебя где? Учится?

ТАТЬЯНА. Андрей? Ага, учится. Хрена лысого он учится. Шатается где-то. Да ты ешь, Гуль. Ешь, наливай. Не знаю, когда придет. Придурочный какой-то получился. У отца поминки, а он ...репетирует, сволочь.

ГУЛЯ. Музыканты они все такие, Танюш. Зато у них работа спокойная. Народ их любит. Не то что нас с тобой. Сидишь и собираешь лучи ненависти. Как аккумулятор.

ТАТЬЯНА. Да если бы музыкант был нормальный. Я чо, против? Название одно.

ГУЛЯ. Тань, а ты еще кого приглашала? Маринку? Наташу?

ТАТЬЯНА. У Маринки мать при смерти. У Наташки корпоратив, на мясокомбинате.

ГУЛЯ. Да уж. Повезло.

ТАТЬЯНА. Да ты ешь, Гуля, чо сидишь зря? До утра засохнет.

ГУЛЯ. Ладно, давай, Танюх. За Ильдарушку. За героя нашего. Не чокаясь. Земля ему пухом, Царствие Небесное. Воин настоящий был. Мужик. Господи, прости меня грешную...Какой мужик. Какой мужик у тебя был, Танюха.

ТАТЬЯНА. Был. Двадцать лет назад.

ГУЛЯ. Ну и чего если двадцать? Ты это зря. Я тебя, конечно, понимаю - двадцать лет одна как палка. Но я тебе так скажу – лучше двадцать лет назад, но хорошо, чем сорок лет подряд и как...подштанники нестиранные, прости Господи. Вот мое тебе мнение. Я бы лучше тогда один раз и чтобы огонь, чем вот это вот все. Живешь как в сортире, еще в ЖЭУ этом мозг выносят.

По Новостям повторяют сюжет про Сергея.

ЖУРНАЛИСТКА. За полтора часа, которые длилась беседа, Сергей ответил более чем на сотню вопросов. Да, к слову о детской мечте - рекламировать свою профессию Лысов не стал.

СЕРГЕЙ. Понимаете, стране нужны не только космонавты. Сейчас ведь востребованы специалисты в различных отраслях, в том числе и в нашей, ракетно-космической. Нам нужны инженеры, нужны талантливые молодые люди, способные творчески трудиться и создавать новые перспективные космические проекты.

ЖУРНАЛИСТКА. Ну а мы напоминаем, что на следующей неделе Сергей приезжает в Бугульму. В нашем городе у Героя России запланирован визит в родную школу номер тридцать пять. Здесь его будут ждать учителя, ученики, а также одноклассники, с которыми Сергей будет рад повидаться после долгой разлуки.

Татьяна выключает звук.

ТАТЬЯНА. Чо ему здесь надо, Гуль?

ГУЛЯ. Кому, Космонавту этому? А черт его. Третьи сутки уже по телевизору крутят. Мы вчера с Мишаней моим как посмотрели – в инфаркте. Едет он, видите ли, на Родину. Да еще и в школу нашу собрался. Подарки, поди, детям будет дарить. Мячи, глобусы, шелуху всякую. Вам ничо за подарки не говорили?

ТАТЬЯНА. Неа. В секрете все.

ГУЛЯ. В секрете. Тоже мне. Тайный благодетель нашелся. Где ты раньше шлялся, космонавт, когда у нас тут беспредел был? Когда мы Ролтон жрали один! Где ты был, лунатик?

ТАТЬЯНА. Так он занят наверное был, Гуль. Тренировался, поди.

ГУЛЯ. Знаем мы эти тренировки. Они же там все на стакане, в Космосе этом. У них там в тюбиках, конечно, но все едино. Они там все алкаши. Ты попробуй на сухую год вокруг Земли в невесомости полетай. Без спирта. Без земного притяжения. Прикинь? Я бы кончилась. Это он с бодуна видать решил голову проветрить. Вот и прется к нам. А как протрезвеет и дорогу забудет.

ТАТЬЯНА. А я ведь его помню Гуль. Он же совсем другой был. Худющий такой. А теперь смотри - плотненький.

ГУЛЯ. Да лошок он был. Чухонец. Забитый весь какой-то. Помню как твой Ильдарушка, Царствие ему Небесное, подзатыльники ему отвешивал. Стремный он был, Танюх. Вот это я точно могу сказать - стремный.

ТАТЬЯНА. Стремный, не стремный, а выжил.

ГУЛЯ. А это тут при чем?

ТАТЬЯНА. При том, что он один и остался. Из мальчиков. Наши-то все на кладбище, а этот, смотри, живой.

ГУЛЯ. Тоже мне, достижение.

ТАТЬЯНА. А он ведь со мной за одной партой сидел, Гуль. Два года. В десятом, в одиннадцатом.

ГУЛЯ. Ну и что? Ну, сидел, подумаешь. Со мной кто только не сидел, Танюх, а смысл?

ТАТЬЯНА. У него, поди, и страничка в Википедии есть.

ГУЛЯ. Тоже не показатель. У нас у зама по коммунальным Инстаграм! А он, прости, Господи – свинья свиньей. Три подбородка, Нет, ты к чему все это клонишь?

ТАТЬЯНА. Гуль, это все как во сне. Знаешь, ну когда во сне что-то появляется, а потом забываешь – сон это или явь. Или кино какое повторяют. Сон. Дрим. Муви. У тебя такое бывает?

ГУЛЯ. Бывает, Тань. Постоянно бывает. Жизнь есть сон, не говори. Я сама как иногда подумаю – ущипните меня семеро. И смешно и повеситься хочется. Вчера только ленту красную надела – выпускница. А сейчас сажу, считаю, у кого сколько воды из унитаза утекло за квартал. Ко мне вчера бабка подошла одна, в форточку палку сует, орет на всю бухгалтерию: «Я телевидение вызову! Фашисты! Я воду не смываю, а у меня счетчик крутит и крутит, крутит и крутит. Вы когда мне счетчик оттарируете!» И так час орала. А оказалось, у нее там кнопка запала в бачке и струйка бежит. Прикинь? И все это на меня, через окошко льется каждый день. Кошмары отдыхают.

ТАТЬЯНА. Гуль, а у меня ведь его карандаш остался.

ГУЛЯ. Какой еще карандаш?

ТАТЬЯНА. Карандаш. Сережин. Полумягкий... Он мне когда-то карандаш подарил. В десятом классе. Кох-и-нор. Импортный.

ГУЛЬ. Господи, Тань, ты чокнутая?

ТАТЬЯНА. Ага. Из Чехии ему родители привезли. А Ильдар как увидел это. В общем, избил его Ильдар. На перемене. Страшно так избил. До крови прям. До смерти почти его изуродовал придурок этот конченный. Животное.

ГУЛЯ. Ты про Ильдара что ли? Ты чо несешь, Тань?

ТАТЬЯНА. Чо знаю, то и несу. Дебил он и был. Ильдар Назимович твой. Ильдарушка. Настоящий мужик... Да что б ему там пусто было, скотине этой!

ГУЛЯ. Таня! Ты хоть фотографию бы развернула. Они же там все слышат.

ТАТЬЯНА. А мне все равно. Пусть слышат. Мне правду скрывать не от кого. Ты бы с ним хоть день пожила, с героем этим.

ГУЛЬ. Тань, ты дернулась?

ТАТЬЯНА. Тебя твой Мишаня хоть раз по горбу ударял?

ГУЛЯ. Да я его сама убью.

ТАТЬЯНА. А ногой в живот? Бил?

ГУЛЯ. Еще такое скажешь – меня вырвет.

ТАТЬЯНА. А меня три года с ним и рвало. Знаешь, я когда похоронку получила, когда паспорт его пришел из Ростовского морга – так я смеялась, Гуль. Радовалась! Я же боялась: вот вернется – и хана. Он меня до свадьбы прикладывал, после свадьбы прикладывал. Беременную. Я свечки ставила что б его в армии поскорее того... На войне этой...

ГУЛЯ. Ты дурра, Таня?! Еб твою мать! Ты при Андрее-то хоть молчи. Совсем с катушек съехала в школе своей. Ты чо, крейзи? Или как там у вас?

ТАТЬЯНА. А хоть и крейзи, Гуль? Чего здесь такого?

ГУЛЯ. Тань, перекрестись. Ведь нехорошо как говоришь. Как нехорошо, Танюш.

ТАТЬЯНА. Гуль, а ты как думаешь? Как они там в космосе без женщин?

ГУЛЯ. Таня! Очнись, ты бредишь!

ТАТЬЯНА. И кольца у него нет. Смотри, видишь - нет кольца (*Гуля вскакивает из за стола.*) Гуль, ты чо? Ты куда, Гуль? А почки? Почки не доела.

ГУЛЯ. Да пошла ты со своими почками. У тебя у мужа поминки а ты... богохульница!

ТАТЬЯНА. Да я ж пошутила, Гуль. Пошутила! Ну чо мы все сидим да сидим в трауре? Жить ведь надо, Гуля! Жить! Мертвые к мертвым, живые к живым.

ГУЛЯ. Таня, меня нет.

ТАТЬЯНА. Да ладно тебе.

ГУЛЯ. Ты прости, но меня чего-то подташнивает.

ТАТЬЯНА. Ну, перестань. Ну, спасибо, что пришла тогда. Слушай, я к тебе загляну на неделе, ты не против? Хорошо. Гуль?

ГУЛЯ, Царство небесное Ильдарушке.

ТАТЬЯНА. Загляну, говорю, за воду заплачу. Чтоб пеня не шла, Гуль, чтоб все по закону было. По правилам чтобы!

ГУЛЯ (*перед уходом*). Нет, я все-таки скажу. Знаешь, мне вот обидно. Хороший ведь был мужик Таня, хороший. А ты... Тьфу. До свидания!

Гуля хлопает дверью. Татьяна молчит, потом начинает хихикать...

ТАТЬЯНА. До свидания... Хороший. Очень хороший. Просто замечательный! Настоящий мужик. Герой! Настоящий герой. Настоящий!

6. ПЫЛЬ

Ночь. Пустой стол. Татьяна все прибрала, надела халат, села на софу. Сейчас самое время смотреть «Девять с половиной недель». Татьяна держит в руках пульт, но не торопится нажимать кнопку. Задумалась. Рядом на софе лежит ее выпускной альбом, фотография Сергея за партой, поломанный старый карандаш. Татьяна рассматривает карандаш, зажмуривается, нажимает Play.

В комнате слышны чьи-то шаги.

ТАТЬЯНА. Джонни, дарлинг. Глори ту гад. Ай со мисс ю. Из ит ю?

ГОЛОС. У тебя всегда открыто, или ждешь кого?

ТАТЬЯНА. Джонни? Уай а ю токинг рашн! Господи. Ху из ит:? Джонни?

ГОЛОС. Кип ит изи, Таня. Айм нот Джонни, Айм энавер уан.

В комнату заходит космонавт. Это Сергей Лысов – поджарый сорокалетний красавец, брнет с проседью. Совсем как в телевизоре. На нем космический комбинезон белого цвета, в руках шлем, на груди флаг России.

ТАТЬЯНА. Господи, Сережа?..

СЕРГЕЙ. Все-таки помнишь.

ТАТЬЯНА. Сережа! Ты? Божечки. Сережка Лысов. Как живой! Я щас помру... Сережка!

СЕРГЕЙ. А я думал, что забыла за двадцать пять лет-то. Думал, не признаешь.

ТАТЬЯНА. Ты... ты... ты чо здесь делаешь? Ты уже приехал что ли? Ты же в Бузулуке сейчас, я по телевизору видела. Я, ты... Сережка, ты как тут оказался?

СЕРГЕЙ. Просто хотел на тебя посмотреть.

ТАТЬЯНА. На меня? Ты с ума сошел? Я вообще... не ожидала, я о другом думала совсем.

СЕРГЕЙ. Неправда, Тань. Ты думала обо мне.

ТАТЬЯНА. Чего?

СЕРГЕЙ. Я знаю, что ты думала обо мне. И только обо мне. Ты достала школьный альбом, ты просмотрела все наши фотографии. Ты нашла старый поломанный карандаш, который я подарил тебе после урока черчения в десятом классе. Ты все это выложила на диван, надела свой лучший халат и ждешь, когда я приду. Ты думаешь только об этом, Таня. Ты смотришь мои интервью, ищешь меня в Википедии, перебираешь в голове события, прокручиваешь жизнь и понимаешь, что в этой жизни не было ничего... ничего достойного. Ничего светлого. Ничего в этой жизни не было, Таня, кроме меня. Только я и был, Таня. Я прав? Таня, чего ты молчишь?

ТАТЬЯНА. Ты ...Ты зачем сюда пришел? В акваланге этом. Это что, цирк? Или розыгрыш?

СЕРГЕЙ. Никакой это не розыгрыш, это мой рабочий костюм. Таня, я пришел за тобой.

ТАТЬЯНА. Господи, ты рехнулся что ли? Это что, шутка?

СЕРГЕЙ. Тань, я не шучу. Я пришел за тобой. 12 апреля, я буду у тебя в школе. Я еду сюда только ради тебя. Весь этот маскарад – не смотри на него. Это просто прикрытие. Я долго думал. Когда я летал в этот чертов Космос, когда меня отправляли на задания, мне казалось, я справлюсь, выдержу... я не буду вспоминать о нас, о тебе. Но я так больше не могу. Таня, я все прошел, все видел. Я видел, как восходит Сатурн, как летят по небу астероиды, как вспыхивают в пустом пространстве огромные звезды, как красные карлики превращаются в синих гигантов, как фотоны атакуют черную дыру, как... Я видел все, Таня. И я пришел за тобой.

ТАТЬЯНА. Мамочки...Сережа...

СЕРГЕЙ. Ты ведь меня ждала, я знаю что ждала. Все эти годы, Таня! Я помню нашу парту. Помню сердечко, которое царапал под твоей половинкой столешницы. У меня ведь тоже остался карандаш – вторая частичка. Вот он. Я всегда беру его в полет. Даже там, в невесомости, меня греет этот обломок.

ТАТЬЯНА. Сережа, ты больной? Какой обломок? Ты крейзи совсем что ли? Двадцать пять лет прошло, какого черта тебе здесь надо?

СЕРГЕЙ. Я когда над Бугульмой пролетаю, смотрю в иллюминатор и представляю тебя.

ТАТЬЯНА. Бред! Ты чо несешь? Какая Бугульма? Я пришел за тобой... я тебя представляю...Сатурн у него восходит. То же мне, хироу нашелся. Да ты же другой был, ты же очкарик был, лошок. Тебя же никто не уважал. Да тебя терпеть не могли. Какого черта ты сюда прешься из своего Космоса? Чо ты тут забыл? Ведь ты же был лох! Лох! Лох!

СЕРГЕЙ. Был лох, а стал Бог.

ТАТЬЯНА. Уат? Бог? Сережа, фак ю! Бог! Ты чего о себе думаешь-то?

СЕРГЕЙ. Не ругайся, Танюш. Я ведь тоже английский знаю. В совершенстве. Флюентли, так сказать.

ТАТЬЯНА. Сережа, у меня ведь сын. Взрослый сын. Двадцать два года.

СЕРГЕЙ. Я знаю. Андрей. Хороший мальчик, он мне нравится.

ТАТЬЯНА. Чего? Хороший мальчик— эбонит натуральный. Да ты знаешь, какой он тупой?!

СЕРГЕЙ. Нельзя так о сыне, Тань. Какой бы ни был.

ТАТЬЯНА. Да он от Ильдара! Ты знаешь, что это сын Ильдара?

СЕРГЕЙ. Какая разница? Сын все-таки.

ТАТЬЯНА. Ты чо, Сереж? Ты Ильдара не помнишь, что ли? Да он же тебя стремал всю школу. Он же тебя бил каждый день. Они все тебя били, чморили, в туалете головой в унитаза. А мы молчали, хихикали, смеялись над тобой. Лошок. Очкарик. Все девочки над тобой смеялись. Тебе чо, приятно это все вспоминать?

СЕРГЕЙ. Тань, я всех уже простил. Они все уже умерли, я их и простил.

ТАТЬЯНА. Зачем ехать туда, где тебя опускали головой в унитаза? Объясни мне. Может я тупая? Не понимаю чего в этой жизни? Может ты святой, ангел? Но когда башкой в унитаза, зачем все это?

СЕРГЕЙ. Потому что это детство.

ТАТЬЯНА. Ты больной?

СЕРГЕЙ. Потому что это мое детство, и потому что здесь ты. Я еду к тебе, Тань.

ТАТЬЯНА. Конченный.

СЕРГЕЙ. Называй меня как хочешь. Мне не больно. На, вот, держи, это для тебя.

Из кармана комбинезона Сергей достает кулак с каким-то сыпучим, светящимся веществом.

ТАТЬЯНА. Для меня? Это что? Порошок?

СЕРГЕЙ. Пыль.

ТАТЬЯНА. Пыль?

СЕРГЕЙ. Пыль. Космическая пыль. Она испускает альфа и бета - частицы и положительно влияет на кровообращение. Я привез тебе совсем чуть-чуть, потому что у нас это запрещено. Это секретная штука. Я дарю тебе эту пыль, потому что хочу, чтобы ты стала живой. Не мертвой, злой, ужасной Татьяной Викторовной Гизатуллиной. А моей Таней. Таней Соколовой. Чудесной девочкой, смеющейся, как колокольчик в весенних лугах. Таней Соколовой, о которой помню теперь только я, звезды и ночная луна. Там на Международной Космической Станции я буду думать о тебе. Поэтому я и дарю тебе эту пыль.

ТАТЬЯНА. Сережа, зачем ты пришел?

СЕРГЕЙ (*подходит к Татьяне слишком близко*). Закрой глаза и окрой рот.

ТАТЬЯНА. Я тебе не верю.

СЕРГЕЙ. Просто открой рот. Я знаю, что делаю. Доверься мне. Дай мне руку. Клоуз ё айз, Плиз би э гуд гёл.

ТАТЬЯНА. Сережа, доунт харт ми.

СЕРГЕЙ. Айл би тендер. Ай промис ю. Оупен ё мауф. Ветс вей. Слоули. Степ бай степ.

ТАТЬЯНА. Сережа...

СЕРГЕЙ (*сыплет в рот Татьяне космическую пыль*). Фил ве космик хат.

ТАТЬЯНА. Итс соу ворм

СЕРГЕЙ. Тссс...фил ве фридом.

ТАТЬЯНА. Иес ай ду...Ит соу тейсти. Фридом..

СЕРГЕЙ. Йес. Фридом... Ветс вей. Итс э мэджик даст. Стар даст. Стар даст, фром э стар мэн. Доунт би эфрейд

ТАТЬЯНА. Айм нот эфрейд, Сережа.

СЕРГЕЙ. Фил ве лайтнесс. Донт пэник. Ай уилл кээ эбаут ю. Гив ми ё хэнд. Ай джаст вонт ю ту денс. А уилл дэнс виф ю тилл ве энд оф найт, дэнс энд синг ...

ТАТЬЯНА. Сережа. Я не могу. Я не могу танцевать.

СЕРГЕЙ. Синг энд дэнс. Синг энд лав ю.

ТАТЬЯНА. Сережа, сегодня такой день. Такой день...я не могу танцевать!

СЕРГЕЙ. Синг энд лав.

ТАТЬЯНА. Господи, Сережаааа!

Сергей обнимает Таню, вместе они танцуют под композицию британского исполнителя Дэвида Боуи. Сергей поет бархатным голосом.

There's a starman waiting in the sky,
He'd like to come and meet us,
But he thinks he'll blow our minds,
There's a starman waiting in the sky,
He's told us not to blow it,
'Cause he knows it's all worthwhile.

В дверях стоит Андрей. Он только что вернулся с репетиции, смотрит на танцующую маму.

АНДРЕЙ. Мааам... Мама ты что делаешь? Мам, ты чо, танцуешь? Зачем ты танцуешь, мама?

7. STARS AND PLANETS

Класс английского языка. Диккенс и Блейк убраны подальше. На стенах плакаты с планетами и звездами. Над доской фотографии Сергея Лысова. Татьяна стоит у учительского стола, перебирает вещи.

ТАТЬЯНА. Так, для музея все принесла. Вот карандаш. Вот фотографии. Вырезок газетных у меня нет. Так что Если у ваших родителей сохранились газеты про Сергея Георгиевича – срочно сюда. Все кладем в шкаф возле парты Лысова. Парта тоже экспонат. Петин, подпись проверил под партой?

ПЕТИН. Проверил – нет ничего. Сердечка никакого. Закрасили.

ТАТЬЯНА. Ну, закрасили, значит, заново сделаешь... сердечко. Гвоздем выцарапаешь. Время еще есть.

ПЕТИН. Как скажешь, начальник.

ТАТЬЯНА. Тихо! Нашел мне начальника. Все! Летс репит ау гриитинг. Из еврибади реди? Не слышу. Жанебек – а ю реди

ЖАНЕБЕК. Йес тича, реди офкос.

ТАТЬЯНА. Вандервул. Соу, лет ас старт фром ве бегининг. Все, как мы учили Жанебек, чтоб от зубов отскакивало! Ю старт фёст, вен Петин. Петин доунт форгент ё тёрн. Ю ток эбоут старз энд плэнетс..После Жанебека. Потом вступает Нина. Ну и потом уже все подключаемся к песне. Не перепутайте ничего!

ЖАНЕБЕК. Базара нет.

ТАТЬЯНА. Разговорчики мне! Вы чо, не понимаете? Итс рили импортент – ферст импрессион. Да что он о школе подумает, уголовники! Он как вас увидит – обратно улетит.

ПЕТИ. Доунт вори, тича! Ви вил ду ауа бест

ТАТЬЯНА. Чо ты там ляпнул?

ПЕТИН. Я говорю еврефингс гона би олрайт.

ТАТЬЯНА. Хоуп соу, Петин, Хоуп соу. Наблытчался. А ты, Нина, ватс вронг виф ю? Вай а ю соу шай тудэй? Что-то случилось?

ПЕТИН. Да она пришибленная.

ТАТЬЯНА. Сайленс, плиз! Юа нот Нина, Петин.

ПЕТИН. Да я реально говорю. Ее вчера батя избил

ТАТЬЯНА. Шат ап, Петин! Я тебя щас сама избью. Нина, ты в порядке?

ПЕТИН. Да правда это, Нина, чо ты боишься?

ТАТЬЯНА. Тишина! Из ит тру о фалс вот Петин сэд? Нина, чего ты хмуришься?

НИНА. Татьяна Викторовна, пожалуйста.

ЖАНЕБЕК. Он ее бьет, а она терпит. Терпила, да Нин?

НИНА. Никто меня не бьет!

ТАТЬЯНА. Вы чего здесь все наговариваете! Я знаю Николая Евгеньевича, Нининого отца. Он хороший отец и на заводе тридцать лет. И завод нашей школе помогает. А вы тут несете! Нина, да что с тобой?

ПЕТИН. Ты руку, синяк покажи.

НИНА. Да отвали от меня, debil!

ТАТЬЯНА. Так. Стоп. Нина. Уай а ю крайнг? Это во-первых. Во вторых. Говорим по-английски, Нина. Вотс вронг?

НИНА. Нафинг.

ТАТЬЯНА. Нафинг?

ЖАНЕБЕК, На правой руке у нее.

ТАТЬЯНА. Тихо. Точно нафинг?

НИНА. Абсолютли нафинг.

ТАТЬЯНА. Аю шуэ?

НИНА. Мо вен шуэ. Сётенли шуэ! Айм рили шуэ Татьяна Викторовна!

ТАТЬЯНА. Хм... Ок. Ладно. Донт край. Вери гуд пронансюэйшн, бай ве вей. Все? Успокоилась? Ну, тогда идем дальше. Ты слова песни выучила?

НИНА. Выучила. Дэвид Боуи... Стармен.

ТАТЬЯНА. Гуд гёл Нина. Молодец. Кайнд оф ю,.. Тогда начинаем. Поехали.

ЖАНЕБЕК. Я же говорил – терпила.

ТАТЬЯНА. Жанебек! Еще слово и... Все! Летс старт! Фёстли. Имэджин вет Сергей Георгиевич из каминг ту ау класс. Хиз нокинг он ау до. В этот момент все стаем. Встаем я сказала. Нок нок нок. Станд ап. Вraith! Кул. Продолжаем. Жанебек доунт слип. Ё спич нау, ток лаудли!

ЖАНЕБЕК. Гуд афтернун, Сергей Георгиевич. Вэлкам ту ауа класс, Уи а глэд, ту си ю ин ве волс оф ауа скул!

ТАТЬЯНА. Петин пошел!

ПЕТИН. Стар из шайнинг фру ве дак. Плэнетс, кометс, космик спаркс! Ю а рили хироу мен! Глед ту си ю хиа эген! Велкам бэк ту Бугульма, ве хоум оф ё чайлдхуд.

ТАТЬЯНА. Отлично! Нина!

НИНА. Дорогой, уважаемый Сергей Георгиевич. В этот знаменательный день, день Космонавтики, мы с нашим 10 А классом хотим выразить вам глубокое почтение, за то, что вы помните свой родной город, за то, что вы всегда были и будете примером для ребят нашей Бугульмы. Мы так рады, что вы пришли в нашу школу. В вашу школу. Здесь проходило ваше детство. Здесь вы сидели вон за той партой. Здесь познавали азы жизни. И мы свято храним ваши заветы. Сегодня мы учимся и радуемся, повторяя ваши шаги в учебе и жизни. От всей души желаем вам счастья и здоровья, и хотим исполнить для вас праздничную композицию английского исполнителя Давида Боуи. «Космический человек». На английском языке. Найс ту мит ю!

ТАТЬЯНА. Пёфект Нина. А теперь все вместе! Ол тугеве! Синг! Начали!

Поют все вместе

There's a starman waiting in the sky,

He'd like to come and meet us,

But he thinks he'll blow our minds,

There's a starman waiting in the sky,

He's toid us not to blow it,

В кабинет осторожно заглядывает Надежда Марковна

НАДЕЖДА МАРКОВНА. Татьяна Викторовна, экссьюз ми.

ТАТЬЯНА. Щит. Уат ве хелл?! Клоуз ве дор, Надежда Марковна! У меня репетиция. Вы что, не понимаете!

НАДЕЖДА МАРКОВНА. Сорри, Но там это?

ТАТЬЯНА. Что это?

НАДЕЖДА МАРКОВНА. Телевидение.

8. ИНТЕРВЬЮ

Кабинет Директора. Приемная. Эдуард Владимирович, Гурген, и Надежда Марковна шепчутся с Татьяной. В самом кабинете настраивают камеру и звук телевизионщики. Директор изрядно нервничает. Татьяна тоже.

ТАТЬЯНА. Господи, а что говорить то? Я вообще телевидение не люблю.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Танечка, вы не волнуйтесь. Мы отстрелялись, все живы. Главное там ничего лишнего не болтните.

ТАТЬЯНА. То есть? Конкретно что рассказывать?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Ну, мы все про разное. Гурген например... про что вы там рассказывали, Гурген Васильевич?

ГУРГЕН. Про важность занятиями физической культурой при подготовке будущих космонавтов России.

ТАТЬЯНА. Понятно. Мощно. Поздравляю. А я-то чего? Про спартакиады буду? Про времена?

НАДЕЖДА МАРКОВНА. Ну, я, например, песню спела, которой мы его встречаем.

ТАТЬЯНА. У меня голоса нет.

НАДЕЖДА МАРКОВНА. Ну придумайте что-нибудь.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Танечка, а вы лучше что-нибудь про прошлое вспомните, как вы учились вместе, что-нибудь хорошее про школу. Только я вас умоляю без этого всего. Без правды матки. Нас же смотрят. Дети там, депутаты.

ТАТЬЯНА. Вы чего имеете в виду Эдуард Владимирович?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Ну, знаю я ваши истории. Любите вы про девятые нагнать. Мела в классах не хватало. Шприцы в туалетах. Инфляция... Вот не надо этого. Сейчас и так всем тяжело, а у нас праздник. Позитивный образ нужен. Расскажите что-нибудь светлое.

НАДЕЖДА МАРКОВНА. Может, все-таки, на английском споете?

ТАТЬЯНА. Может мне еще отжиматься начать?

ГУРГЕН. Я бы на это посмотрел.

ОПЕРАТОР. Татьяна Витальевна, готовы?

ТАТЬЯНА. Викторевна я.

ОПЕРАТОР. Через минуту начинаем.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. В общем, ни пуха. И вот еще что – завтра пораньше приходите. Нужно все сверить. Развод на улице. Песни. Ваше выступление. Музей. В десять он уже придет. Уроки я отменил. И еще – вы уж пригласите кого из одноклассников, кто у вас там живой остался, кто с Сережей учился. А то мы Тамару Михайловну пытались найти.

ТАТЬЯНА. Классуху нашу которую?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Да, классную руководительницу.

ТАТЬЯНА. Ее не надо искать. Она уже десять лет на кладбище. Вторая аллея

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Вот и я о том же. Может, найдете кого?

ТАТЬЯНА. Постараюсь.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Буду признателен.

ОПЕРАТОР. Татьяна Васильевна, проходим, пожалуйста.

ТАТЬЯНА. Да Викторовна я.

ОПЕРАТОР. Хорошо, Викторовна, поскорее, пожалуйста. Нам еще мэрию снимать.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Таня, мы все на вас надеемся. Ни пуха!

ТАТЬЯНА. К черту.

9. ПЕНЯ

Жилищно-Эксплуатационное Упраление. Двухэтажная избушка с бело-сине-красным сайдингом. На макушке избушки – флаг Родины. А на втором этаже бухгалтерия. В бухгалтерии никого, только банкомат и маленькая форточка для выдачи квитанций. На форточке табличка – ЗАКРЫТО с 1 по 15 число месяца ОТЧЕТ. НЕ РАБОТАЕМ.

В форточку стучится Татьяна. Форточка открывается в ней видно огромное лицо Гули. Но недолго. Гуля резко захлопывает дверцу.

ТАТЬЯНА. Открой, я показания сдам и пойду.

ГУЛЯ. Отчет написано.

ТАТЬЯНА. Гуль, я по воде и мне в парикмахерскую бежать.

ГУЛЯ. Не работаем, читайте внимательней.

ТАТЬЯНА. Гуль, ты очумела? Форточку открой, говорю. Да ты не слышишь что ли?

ГУЛЯ. После пятнадцатого приходите. Черным по белому.

ТАТЬЯНА (*бьет кулаком по стеклу*) Открой сейчас же! У меня пеня идет, Гуля!

ГУЛЯ, Закрыто! Не работаем! Выйдите из помещения!

ТАТЬЯНА. Да ты чо несешь! Открывай, дура! Ты издеваешься?

Гуля медленно открывает форточку.

ТАТЬЯНА. Гуль, ты чо? Смеешься? Я по воде. Холодная двести двадцать. Горячая...Что ты так вылупилась? Двести двадцать. Холодная запиши.

ГУЛЯ. Вон пошла.

ТАТЬЯНА. Горячая сто восемьдесят два. Чего?

ГУЛЯ. Пошла вон.

ТАТЬЯНА. Не поняла.

ГУЛЯ. Я говорю пошла вон. И никогда сюда больше не приходи.

ТАТЬЯНА. Как?

ГУЛЯ, Никогда сюда не показывайся.

ТАТЬЯНА. А. Поняла. Вот так, да? Ясно. А теперь поподробнее.

ГУЛЯ. Поподробнее ты уже выступила. Звезда на букву П

ТАТЬЯНА, Гуль, я и ударить могу.

ГУЛЯ, Знаем мы тебя, ударница. Ты чо наплела на телевизоре? Уже весь город смеется.

ТАТЬЯНА. Ты воду будешь записывать? Что ты мне тут устраиваешь?

ГУЛЯ, Сама себе записывай. Где хочешь там и сдавай показания свои по дермищу а здесь тебе закрыто во веки веков!

ТАТЬЯНА. Гуль, ты чокнутая? Я к тебе пришла – нас зовут всех завтра. Я еще Наташке позвоню. Всех одноклассников завтра позвали. Ты чо несешь вообще? Я тебя пригласить пришла на встречу. Завтра, Двенадцатое апреля. День Космонавтики. Всех приглашают в школу.

ГУЛЯ. Сама себя приглашай, шалава.

ТАТЬЯНА. Кто шалава?

ГУЛЯ. Новости посмотри по ящику и узнаешь. Космическая звезда.

ТАТЬЯНА. Ты завтра к десяти сможешь?

ГУЛЯ. Терешкова хренова!

ТАТЬЯНА. Все наши будут, Гуль.

ГУЛЯ. Альфа центавра нашлась!

ТАТЬЯНА. Гуль, зачем ты так?

ГУЛЯ. Потому что совести у тебя нет. Позоришь себя. Смотреть тошно.

ТАТЬЯНА. Я тебе что сделала? Тебе лично что я сотворила?

ГУЛЯ. Себе сотворила. И нас всех накрыла позором вечным.

ТАТЬЯНА. Ты на меня зачем начинаешь?

ГУЛЯ, Потому что память есть. И совесть. Ты о муже подумала? А сын увидит? Стыдище! Позорище! Чмошница!

ТАТЬЯНА. Понятно...значит так, да? Значит проклинаешь. А знаешь, что я тебе скажу Гульнара Фархутдинова Курочкина.

В бухгалтерию прокрадывается ветхая старушка в валенках и тулупе.

БАБУШКА. Работаете девочки? Крайний кто? Вы последняя, дочка? Пропустите, я ветеран труда.

ГУЛЯ, Закрыто, куда вы претесь?! Вы тупые все что ли?

ТАТЬЯНА. Нет, ты слушай, Гульнара. Слушай. Подожди форточку закрывать. Ты Гульнара говноедкой была, говноедкой и останешься. Во веки веков, как ты выражаешься. Подохнешь ты, Гуля в этом своем ЖЭУ. Разнесет тебя, Гуля, от зависти. Ряха в дверь не влезет, как у свиньи. До пенсии тебе бачки сливные считать.

БАБУШКА. У меня переплата за март! Девочки, посмотрите.

ГУЛЯ, Да не работаем мы! Для имбицилов написано. Отчет у нас гражданка. Закройте окошко! Сейчас же закрыла!

ТАТЬЯНА, Я-то закрою. Только знай. Если жизнь твоя смывной бачок, то есть люди, которые по-другому хотят. Жить хотят. Жить, поняла! Жить, а не это вот все!

БАБУШКА. Вот квитанция мартовская. Щас очки достану.

ГУЛЯ. Бог не фраер, Таня! Слышала?! Бог все видит!

ТАТЬЯНА. Видит-то видит. Только в форточку твою не заглядывает. Душно тут у вас. Воннице, Гуль. Проветривайте хоть иногда.

ГУЛЯ. Людей не боишься! Бога побойся!

ТАТЬЯНА. Уже! Трепещу.

БАБУШКА. Вот статья за мусор! Это что такое? Мне компенсация положена, а они насчитали как у всех.

ГУЛЯ. Мать – ты читать способна? Отчет написано! Своими глазами читайте до пятнадцатого числа отчет. Согласно постановлению мы не работаем! Не-ра-бо-та-ем!

10. ИЛЬДАР

Ночь. Квартира. Татьяна одна. На ней вечернее платье, которое она еле-еле натянула на свое разросшееся и усталое тело. Яркий макияж. Новая прическа. На журнальном столике вино. «Молоко любимой женщины», дорогое импортное вино.

На стенах квартиры, на зеркале, на потолке надписи губной помадой и маркером «Тварь!» «Продажная шлюха!» «НЕНАВИЖУ» «СУКА». На полу разбросаны и порваны вещи Тани.

На двери огромная надпись маркером. «Я НЕ ТВОЙ СЫН. Я НИКОГДА НЕ ВЕРНУСЬ. АНДРЕЙ.»

Татьяна завесила шторы. Татьяна закрыла дверь. Намертво закрыла. На ковре висит фотография Сергея. Цветная. Фотография Ильдара, черно-белая, отсутствует. Татьяна делает глоток вина, улыбается.

По телевизору крутят сюжет из СОШ№ 35 г. Бугульмы. В кабинете директора сидит взволнованная Татьяна и знаменитая бугульминская журналистка.

ТАТЬЯНА. Школа дала нам возможность получить знания и с умением применить их на деле. И Сергей доказал, что бугульминское образование – качественное, ровневое. Сергей Лысов задал высочайшую планку для всех бугульминских школьников.

ЖУРНАЛИСТКА. Татьяна Викторовна, а личные истории у вас какие-то были с Сергеем. Занимательные случаи? Что-то личное помните?

ТАТЬЯНА. Личное? Ну, вот помню наши уроки черчения. Интересно было. Да. Сережа, надеюсь их тоже помнит.

ЖУРНАЛИСТКА. А что там было такого интересного?

ТАТЬЯНА (*достаёт обломок карандаша*). Ну, вот. Такая у меня осталась штука например. На память. От Сережи.

ЖУРНАЛИСТКА. Ой, а что это?

ТАТЬЯНА. Это карандаш. Простой карандаш. Ну, как простой – импортный. Сереже родители привезли из Чехии. А он его на уроке пополам сломал и мне подарил. А то мне чертить нечем было. Вот. Сейчас этот обломок у нас в музее школьном хранится.

ЖУРНАЛИСТКА. Интересно. То есть Сергей с детства был добрым, отзывчивым человеком? Умел делиться. Так?

ТАТЬЯНА. Так. Умел делиться. Подарил мне и я его берегу. Уже двадцать пять лет берегу.

ЖУРНАЛИСТКА. Татьяна Викторовна, а расскажите в чем еще преуспевал Сергей во время вашей школьной жизни? Вы не помните, как он общался с товарищами?

ТАТЬЯНА. С товарищами. Ну не знаю. Трудно сказать.

ЖУРНАЛИСТКА. А все же. Наверняка вам есть что вспомнить?

ТАТЬЯНА. Да. Есть, конечно, только...простите.

ЖУРНАЛИСТКА. Татьяна Викторовна?

ТАТЬЯНА. Секундочку.

ЖУРНАЛИСТКА. Что-то случилось? Не можете говорить?

ТАТЬЯНА. Нет, Могу говорить. Сейчас скажу. Я сейчас обязательно скажу. Знаете, я ведь только сейчас поняла. Вот двадцать пять лет прошло. Господи...не могу...

ЖУРНАЛИСТКА. Что-то интересное вспомнили, да?

ТАТЬЯНА. Нет. Я не вспомнила. Я поняла. Мне кажется, я поняла. Сережа. Можно я просто так? Можно лично обратиться?

ЖУРНАЛИСТКА. Конечно, пожалуйста. Личные истории всегда добавляют некую изюминку

ТАТЬЯНА. Да изюминку. В общем, Сергей. Сереженька. Ты слышишь меня? Я хочу сказать, что я поняла. Ты же меня смотришь? Ты это увидишь?

ЖУРНАЛИСТКА. Конечно увидит.

ТАТЬЯНА. Сережа. В общем, я поняла. Я тебя люблю, Сережа. Я тебя люблю и всегда любила.

ЖУРНАЛИСТКА. Татьяна Викторовна, вы хотите сказать...

ТАТЬЯНА. Все эти двадцать пять лет любила. И сейчас люблю. Вот что я поняла, Сережа.

ЖУРНАЛИСТКА. То есть вы...

ТАТЬЯНА. А еще я тебя очень жду. Приезжай ко мне, пожалуйста, скорее. Я очень тебя жду. Ты даже не представляешь, как я жду. Сережа, дорогой, приезжай...Это все. Простите. Я пойду. Мне надо идти...

ЖУРНАЛИСТКА. Татьяна Викторовна, постойте. Еще один вопрос.

ДИКТОР. Вот так готовится встретить уважаемого гостя, героя России, Сергея Лысова его одноклассница, а ныне учительница английского языка Татьяна Васильевна Гизатуллина.

А мы напомним, что открытая встреча первого бугульминского космонавта с земляками пройдет завтра утром в 10-00 в СОШ № 35 г. Бугульмы. А теперь к другим Новостям.

Татьяна переключает канал, подходит к серванту, достает из потайного места кассету «Девять с половиной недель», вставляет в видеомэагнитофон. Звучит заглавная мелодия. Татьяна садится на софу.

Видео резко останавливается, телевизор зашипел. Татьяна вскакивает. Из-за телевизора выходит мертвый муж Татьяны, молодой, 21 летний татарский парень Ильдар в военной форме.

Долгая-долгая пауза.

ИЛЬДАР. Ждешь кого-то.

ТАТЬЯНА. Господи....

ИЛЬДАР. Ждешь, спрашиваю?

ТАТЬЯНА. Нет. С чего ты взял?

ИЛЬДАР. Ждеееешь. Каждую ночь ждешь. Я же вижу.

ТАТЬЯНА. Я просто кино смотрю. По вечерам. Как раз включила.

ИЛЬДАР. Бардак у тебя какой-то. Разбросано все. И на стенах – ужас. Ты меня, не узнаешь что ли, Тань?

ТАТЬЯНА. Узнаю. Сразу узнала. Ты зачем пришел, Ильдар?

ИЛЬДАР. Надписи у тебя нехорошие. И ковер, вижу, поменяли, так?

ТАТЬЯНА, Да тот же ковер. Бабушка еще дарила. При тебе.

ИЛЬДАР. На свадьбу который?

ТАТЬЯНА, Да, на свадьбу. Зачем тебе ковер?

ИЛЬДАР. А это что за фотография? Раньше моя висела.

ТАТЬЯНА, Это? А это к нам приезжает. Ну, ты помнишь, Сережа, одноклассник наш. Приезжает в город завтра. Сергей Лысов, наш с тобой одноклассник.

ИЛЬДАР. Одноклассник значит, Сережа.

ТАТЬЯНА, Да, Сережа. Он теперь космонавт. Герой России.

ИЛЬДАР. Герой значит. Понятно. Встреча одноклассников значит. Воспоминания, радостные лица. Смех. Песни. Танцы, наверное, будут?

ТАТЬЯНА. Ильдар, чего те надо?

ИЛЬДАР. «Заправлены а планшеты космические карты». Ха-ха. «И снится нам не рокот космодрома»...Да? Правильно? Понятно все с вами... А знаешь, мне когда выстрелили в ногу, там в горах. Ну, первое ранение когда. Знаешь о чем я сразу вспомнил? Как вспышка было. Бах и все. Знаешь о чем вспомнил?

ТАТЬЯНА. Какая вспышка? Откуда мне знать, Ильдар!

ИЛЬДАР. Я о картошке вспомнил, Тань. Картошки мне захотелось. Вдруг тепло так стало, как картошка варенная. Во рту такой привкус. Тепло-сладкий. Помнишь, как мы картошку ели после свадьбы когда? Голодные пришли в час ночи. Все салаты жрали, а мы «горько да горько». А потом пришли и картошку отварили. Помнишь?

ТАТЬЯНА. Ильдар, мы ведь у тебя недавно были. Ты зачем пришел?

ИЛЬДАР, Зачем? Хм... ладно...я пришел сказать, что...цветы завяли Тань. Ага. Решил напомнить тебе про цветы. Тюльпаны твои, Таня, завяли.

ТАТЬЯНА, Ну завяли и что? Мы же были у тебя на той неделе. Андрей был. Все нормально было. Чего тебя не устраивает? Чего тебе еще надо-то?

ИЛЬДАР. Ой, не хорошо как говоришь, Танечка. Чего тебе надо... А мне надо на тебя посмотреть. То все ты ко мне ходишь, а мне ведь тоже интересно, как вы тут живете. Я ведь тоже человек!

ТАТЬЯНА. Человек? Да ты же мертвый, Ильдар. Ты умер! Тебя убили, ты труп! Ты в могиле лежишь, зачем ты вылез из своей могилы, Ильдар?

ИЛЬДАР. Значит так мы теперь с мужем разговариваем?

ТАТЬЯНА, Как так? А ты чего хотел?

ИЛЬДАР. А я ничего не хотел, Тань. Просто когда мне потом в голову еще выстрелили, ну после ноги, контрольный. После картошки снайпер шмальнул. Знаешь я тогда о чем подумал?

ТАТЬЯНА, Давай только не надо мне этого сейчас, этих воспоминаний твоих!

ИЛЬДАР. Чпок и хана. А голова работает. Представляешь? Тебя убили, снайпер в висок попал. А голова работает. Думает голова. И я тогда подумал, подумал - как жалко. Жалко, что все так было у нас с тобой, Танюша.

ТАТЬЯНА, Чего? Жалко?..

ИЛЬДАР. Жалко. Ну, что так мало прожили. Мало времени вместе.

ТАТЬЯНА, Мало времени? Жалко? Да это не ты говоришь, Ильдар. Да ты слов-то таких не знаешь. Жалко. Кого тебе хоть раз жалко-то было?

ИЛЬДАР. Тебя, например.

ТАТЬЯНА. Меня? Скотина! Ты чо несешь? А ну пошел отсюда

ИЛЬДАР. И сына жалко. Ушел ведь от тебя сын? Или куда он делся?

ТАТЬЯНА. А тебе какая разница? Жалко ему сына стало! Раньше надо было жалеть. Никогда тебе никого не было жалко. Ты быдло был, быдло и остался. У меня в памяти по крайней мере. Ты чо там – книжек начитался что ли под землей! Или где ты там находишься? Да ты ни одной книжки не прочитал в своей жизни. Обрубок! Да ты знаешь, что я с тобой пережила!

ИЛЬДАР. Таня, я знаю все, что ты скажешь. Просто я хотел посмотреть. На тебя посмотреть, на Андрея.

ТАТЬЯНА. Да ты же меня убивал. Ты же мне жизни не давал. Я же в аду жила.

ИЛЬДАР. А сейчас? Сейчас тебе лучше?

ТАТЬЯНА, Лучше...хахаха. Да если бы не ты, да у меня бы все по-другому сложилось! Институт. Работа. А я... таскаюсь с тобой как с баулом. Ты – баул. Натуральный баул. Да давно тебя выбросить пора было...

ИЛЬДАР. Таня, послушай. Он не придет больше.

ТАТЬЯНА, Чего? Кто не придет? Андрей?

ИЛЬДАР. Джонни.

ТАТЬЯНА. Какой еще Джонни?!

ИЛЬДАР. Который Микии. Микки Рурк больше не придет.

ТАТЬЯНА. Ты чо несешь, гад?

ИЛЬДАР. И Сережа твой не придет. Одноклассник твой. Герой России.

ТАТЬЯНА, Слушай, вот только Сережу не трогай! Я тебя за Сережу порву. Да что ты знаешь про него! Да ты у него пятки целовать должен. Вы все у него должны. Вы - червяки, вас всех раздавили, сами себя поубивали, как микробы. Я вас ненавижу всех. Я терпеть вас не могла, и не могу и вообще.

ИЛЬДАР. А Сережу?

ТАТЬЯНА. Что Сережу? Тебе завидно стало, да? Завидуешь, что у меня тут жизнь началась? Что я могу жить. Что я стала дышать в свои сорок два года. Типа, я дышу, а ты там гниешь двадцатилетний. Завидуешь, да!?

ИЛЬДАР. Тань, ты веришь Сереже?

ТАТЬЯНА, Верю! Еще как верю. Верю, что он лучше, лучше, чем вы. Он стал человеком, он смог, он попытался. А ты, вы, вы все!!

ИЛЬДАР. Он больше не придет, Тань.

ТАТЬЯНА, Да как ты смеешь?

ИЛЬДАР. Мы так решили.

ТАТЬЯНА, Кто мы? Да кто ты такой чтобы решать? Тебе нет. Тебя нет и никогда не было!

ИЛЬДАР Мы посоветовались с ребятами. Сережа не приедет. Так будет лучше. Для него. Для тебя. Для страны.

ТАТЬЯНА, Ты чудовище!

ИЛЬДАР. У него ведь ответственный полет через два месяца.

ТАТЬЯНА, Замолчи, я сказала!

ИЛЬДАР Ему нужно готовиться. Космический полет – серьезное испытание.

ТАТЬЯНА, Ненавижу тебя.

ИЛЬДАР. Джонни меня поддержал.

ТАТЬЯНА. Да плевала я на Джонни, на тебя...

ИЛЬДАР. Сережа тоже согласился.

ТАТЬЯНА. А знаешь что? Знаешь, что я сделаю? Я уеду. Назло тебе уеду. Уеду с ним, понял? Уеду от всего это дерьма. От этих ковров, от твоих фотографий. От твоего сына. От этой работы. От всех вас. Я просто уеду. Потому что мне плевать. Ненавижу все это. Завтра сяду и у еду с ним навсегда!

ИЛЬДАР. И еще.

ТАТЬЯНА, Навсегда!

ИЛЬДАР. Видеомагнитофон этот. Выбрось его.

ТАТЬЯНА, Что?

ИЛЬДАР, Сейчас все другое, Тань. Время другое. Двадцать первый век, Интернет, свободный доступ. Выбрось свой видеомагнитофон...

ТАТЬЯНА. При чем здесь магнитофон? Куда ты пошел? Ильдар, куда ты пошел?

ИЛЬДАР. Таня, ты на меня зла не держи. Просто так будет лучше. А я еще приду. Я к тебе часто буду приходиться.

ТАТЬЯНА Ильдар!

ИЛЬДАР. Только магнитофон выброси.

ТАТЬЯНА Гад! Какой же ты гад! Да что б ты сдох. Второй раз чтобы помер. Завидно ему стало. Приперся. Не может нормально умереть даже. Нет, я уеду. Я тебе обещаю, что уеду. Навсегда. Прочь отсюда, в космос, куда угодно, только навсегда. Навсегда. навсегда...чорт!

Видеомагнитофон жует кассету. Татьяна пытается ее достать, но запутывается в пленке. По телевизору идет рябь.

11. EPIC FALE

12 АПРЕЛЯ. ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ. СОШ №35. Пустые коридоры. На стенах космические плакаты. Громкоговорители поют космические песни. В школе нет никого. Татьяна растрепанная идет по безлюдным коридорам, как Хари по космической станции в СОЛЯРИСЕ Тарковского. Татьяна проходит в приемную – никого, открывает кабинет директора – кто-то попался.

Эдуард Владимирович, скромно сидит у монитора. Сидит и ничего не делает.

ТАТЬЯНА. Это что, правда?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Так получилось, Тань. Я тут не при чем.

ТАТЬЯНА. А где все? Ученики где?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. По домам отпустил. Все равно день пропал. Да вы успокойтесь, Танюш. Может чаю?

ТАТЬЯНА. У вас есть его телефон?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Какой телефон? Лысова? Да откуда.

ТАТЬЯНА. Может он завтра приедет? Давайте свяжемся! Это же бред собачий получается.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Тань, мне оттуда позвонили. Он не приедет.

ТАТЬЯНА. Вахтер тоже так говорит, но я не верю. Не верю!

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. В шесть утра позвонили - отменяется. Срочный вызов. Просим войти в положение. Что я могу сделать?

ТАТЬЯНА. Да не бывает такого, чтобы раз и все. Ведь по телевизору показывали. Неделю готовились. Где его телефон? Дайте мне номер!

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Тань – бесполезно. Они сказали - это приказ. Всех на базу в Подмоскowie повезли. Звездный городок. И Лысова и весь отряд. Срочно. У них полет скоро – нужно готовиться.

ТАТЬЯНА. А мы? А как же мы?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. А что мы? Такое бывает. Полет важнее. Вы, Тань, лучше идите домой, отдохните, на вас же лица нет.

ТАТЬЯНА. Да плевала я на лицо. Этого не может быть! Я неделю пахала, мы песню учили, музей сделали, парту отреставрировали. У нас программа готова, Эдуард Владимирович! Вы же сами просили. Вы же нас задрюкали здесь с этим Днем Космонавтики, а теперь?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Да откуда я знал? Мне сказали я и дрюкал. Нашли крайнего.

ТАТЬЯНА. Мне-то что теперь делать? Нет, я сейчас сама к нему поеду. С кем вы там разговаривали? Кто вам звонил? Это из Бузулука? Из летного?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Тань, может чаю зеленого? Молочный улун есть.

ТАТЬЯНА. Фак ё ти, Эдуард Владимирович! Гив ми ве намбер! Телефон, говорю, дайте.

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Тань, не надо. Не заводись, Тань.

ТАТЬЯНА. Маве фака! Сак май дик! Фак ё сэлф, я понятно выражаюсь?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Тань, успокойся, пожалуйста. Ты не в себе. Вчера вон такого наговорила, сегодня...

ТАТЬЯНА. Какого я наговорила вчера?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Нет, я понимаю тебя, я тебе даже сочувствую. Для тебя это важно, очень важно, но... не усугубляй, Тань. Не надо этих крайностей. Ненормально это как-то, что ли!

ТАТЬЯНА. Я же ждала, понимаете? Вы, маве фака, понимаете, что я его ждала!

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ. Понимаю, Тань. Но что делать? Давай лучше чаю. Улун у меня хороший. Двадцать лет выдержки. Сам его пью – ну, завариваем? Тань, отдохнуть тебе надо. Побудь дома, с семьей. А завтра обсудим, как дальше жить. Хорошо? Договорились? Я тебя ни в чем не обвиняю. Просто – отдохни. Чаю?

ТАТЬЯНА. Фааааак! Фак! Фак!

12. ПРИЗНАНИЕ

Кабинет английского языка. Татьяна сорвала все плакаты про Космос, перевернула парту с вырезанным сердечком, раскидала и разорвала фотографии из выпускного альбома. В общем – психанула. В кабинете бардак.

Татьяна стоит у окна. Смотрит куда-то в небо, пытается успокоиться.

В кабинет заходит Гурген. Стоит в дверях, не решается идти дальше.

ГУРГЕН. Татьяна Викторовна, я извиняюсь, можно к вам? Я так, просто. Вы можете молчать. Только послушайте меня, пожалуйста. Я долго не займу. Минута- две. Только послушайте. Хорошо? Я серьезно. Татьяна, я хочу сделать вам предложение.

Татьяна оборачивается, грозно смотрит на учителя физкультуры, тут же отворачивается обратно. Молчит.

ГУРГЕН, Я в воскресенье уезжаю. В Краснодар. Навсегда. У меня в Краснодаре мама. В станице. И я хочу вас забрать. Я хочу с вами. Хочу, чтобы вы поехали со мной. Я здесь работаю десять лет. Можете не отвечать. Просто слушайте. Я здесь работаю десять лет, потому что вы здесь работаете. Я сюда прихожу из-за вас. Я больше так не могу, Таня. Они тебя заклюют. Я их поубиваю всех, если тебя тронут. Но я тебя хочу со мной. Мама у меня хорошая. Не болеет. Не инвалид. Сама за собой ухаживает. Там есть школа. Даже две. Там будем работать. Тебя с английским сразу возьмут. Зарплата хорошая. Море рядом. Я таксовать пойду на выходных. Таня, я уже подал заявление. Я уволился, Таня, я свободен. Мне все равно, что там у тебя с твоим Космонавтом. Я его встречу - убью. За тебя убью. Поехали со мной. Я здесь не могу больше. И ты не можешь Таня. С таким позором, как жить? Одно ответь мне. Поедешь? В воскресенье жду тебя с вещами!

Таня не отвечает.

Десять лет тебя ждал. Ты слышишь меня? Десять лет. Бросай все, поехали, что ты еще думаешь?! Бугульма эта будь она проклята! Помрешь в этой Бугульме! А там персики. Там виноград растет. Мать моя клубнику выращивает. Поехали, я кому говорю!

В кабинет забегают девочка Нина, пугается, пытается уйти.

ТАТЬЯНА. Нина стой. Нина куда? Ты чего пришла, Нина?

НИНА. Я к вам, Татьяна Викторовна. Простите, пожалуйста.

ГУРГЕН. Выйди отсюда. Пошла, говорю!

ТАТЬЯНА. Нина стоять. Не уходи Нина. Сюда подойди ко мне. Гурген Васильевич, я вас услышала, выйдите из кабинета.

ГУРГЕН. Таня, подумай!

ТАТЬЯНА. Я подумала - выйдите из кабинета.

ГУРГЕН. В позоре умрешь!

ТАТЬЯНА. Вон отсюда пошел, я сказала.

ГУРГЕН. Запомни мои слова.

ТАТЬЯНА. Пошел вон!

НИНА. Простите.

Гурген хлопает дверью.

ТАТЬЯНА. Нина не бойся, иди сюда Нинуль. Ты почему не дома? Всех же отпустили. Что-то случилось?

НИНА. Ничего не случилось. Просто я с вами хотела.

ТАТЬЯНА. Тебя кто-то обидел? Нина, ты можешь говорить мне правду. Я тебе помогу, Нина.

НИНА. Татьяна Викторона, вы чего-то не то говорите. Я просто сочинение написала. Проверьте, пожалуйста. Сочинение...

13. СОЛО

Вечер. Квартира. Полный бардак. Татьяна сидит на софе с листочком А4 в руках, смотрит на разбитый видеомаягнитофон. На полу размотанная пленка «Девять с половиной недель», порванные школьные фотографии, газеты, тетрадки.

По телевизору Бугульминские новости.

ЖУРНАЛИСТКА. Сегодня утром Сергей Лысов прибыл в Подмосковный Звездный Городок для подготовки к третьему космическому полету. Вместе с Сергеем подготовку будут проходить двое российских летчиков и американский астронавт Нил Янг, родом из штата Арканзас. Вылет назначен уже на первое июня. У космонавтов осталось два месяца для того чтобы привести себя в нужную форму.

Напомним, что наш земляк планировал навестить Бугульму 12 апреля, но визит по независимым причинам был отменен. Космонавту пришлось срочно вернуться в центр подготовки имени Юрия Гагарина. По телефону мы поинтересовались у Сергея, не жалеет ли он о несостоявшемся визите.

СЕРГЕЙ ЛЫСОВ, КОСМОНАВТ. Долг есть долг. Я, прежде всего, служу Родине. Так получилось. Немного досадно конечно, но все еще впереди. Надеюсь, что в следующем году обязательно приеду в свой родной город. Передаю большой привет всем бугульминцам. Особенно моим одноклассникам. Спасибо, что переживаете за меня. Всего вам хорошего. До встречи.

На кухне раздается бряцание посуды. С кухни выходит Андрей. В руках гитара.

АНДРЕЙ. Я сварил, мам. Иди, попробуй. Ну, чего ты сидишь опять?

ТАТЬЯНА. Сочинение проверяю, Андрюш. По работе.

АНДРЕЙ. Завтра на работе и проверишь. Пошли, говорю. Первый раз борщ сварил, оценишь.

ТАТЬЯНА. А ты лаврушку клал?

АНДРЕЙ. Клал. Три лаврушки. Перец еще горошком. Нормальный борщ получился. Идем?

ТАТЬЯНА. Да не хочу я, Андрюш. Аппетита нет. Сори.

АНДРЕЙ. Все сори да сори. Это ты меня сори, мам. Я там тебе понаписал всякого. В общем, это неправда. Я просто сорвался. Не выдержал. Прости.

ТАТЬЯНА. Перестань, Андрюш.

АНДРЕЙ. Нет, я ведь испугался даже. Я когда сегодня в квартиру зашел, смотрю на это все – тут как будто драка была. Или страшное что. В общем, я подумал, может ты того.

ТАТЬЯНА, Чего того? Ты чего несешь, Андрей?

АНДРЕЙ. Так все валяется кругом. Шторы оборваны. Что мне еще думать?

ТАТЬЯНА. Что тут думать? Просто устала. Пришла с работы и устала. Немного психанула и спать легла. Я же тебя не слышала.

АНДРЕЙ. Я испугался, мам.

ТАТЬЯНА. Придумываешь всякое.

АНДРЕЙ. Мам. Слушай, ты только не переживай.

ТАТЬЯНА. Ладно, где там твой борщ.

АНДРЕЙ. Мама, я тебе сказать хотел. Ты только успокойся.

ТАТЬЯНА, Андрей, ты меня кормить будешь или опять нытье?

АНДРЕЙ. Ты вот точно сейчас успокоилась?

ТАТЬЯНА. Да что там с борщом у тебя?

АНДРЕЙ. Мам. Я это... в общем, я уезжаю мам.

ТАТЬЯНА. Чего? Уезжаешь? Шутишь что ли? Ты и уезжаешь. Поверила!

АНДРЕЙ. Нет, мам, я правда уезжаю. В мае.

ТАТЬЯНА. В мае... Куда? Фестиваль что ль тот? Фестиваль, да? Ну, наконец-то, хоть что-то нормальное. Хоть куда-то позвали!

АНДРЕЙ. Не фестиваль, мам.

ТАТЬЯНА. То есть вы уже и песни выбрали?

АНДРЕЙ, Мама, я в армию ухожу.

ТАТЬЯНА. Вот, значит, чего вы допоздна репетировали. Тихушники! Слушай, а я ведь не верила вначале. Думала ты несерьезно.

АНДРЕЙ. Мам, ты меня слышишь? Я в армию ухожу!

ТАТЬЯНА. А я-то думала, все вранье: группа, гараж, репетиции. Я же как считала: ты и музыка – это же два разных мира!

АНДРЕЙ. Мама да что с тобой? Я в мае ухожу в армию. Это повестка, мам. В мае я ухожу.

ТАТЬЯНА. В Альметьевске который фестиваль? Андрюш, это же далеко. А дорогу оплачивают? У тебя на дорогу то деньги есть?

АНДРЕЙ. Меня брать не хотели, потому что отец. Ну, отец погиб, и мне вроде как не полагается. А я пошел и подал заявление. Я с военкомом говорил вчера. Он сказал, что папу знает, сказал, гордится мной. Вот повестка.

ТАТЬЯНА. Ты там хоть меня не опозорь! Может место какое займешь?

АНДРЕЙ, Надо только твое согласие. Согласие подпишешь?

ТАТЬЯНА. Фестиваль значит. В мае значит...

АНДРЕЙ. В мае, мам. Да ты не переживай. Сейчас все по-другому. Всего год. Там еще трое моих. И барабанщик наш. Мам, ну перестань, ну это не как тогда, сейчас не стреляют. Дедовщина там, мордобой – ничего нет. Мам, ну чего ты опять начинаешь. Мам ну хочешь – я тебе сыграю. Я ведь соло выучил. Давай сыграю соло.

ТАТЬЯНА. Соло... какое еще соло?

АНДРЕЙ. Ну, «Ганз энд Роузиз», помнишь ты просила? Соло. Я выучил.

ТАТЬЯНА, Андрей. Какой ты у меня молодец.

АНДРЕЙ. Хочешь, сыграю сейчас?

ТАТЬЯНА, Сыграй Андрюш. Я тебя очень прошу, сыграй.

АНДРЕЙ. Так, «Ганз энд Роузиз», значит?

ТАТЬЯНА, Да все равно сынок. Что-нибудь. Хочешь «Ганз энд Роузис», хочешь... Только я тебя об одном прошу, ты мне обещаешь. После фестиваля сразу домой. В Бугульму. На родину. Нигде там не задерживайся. Я ведь знаю эти фестивали. Там еще один и еще. А ты домой сразу езжай. Хорошо? Потому что здесь я. Ай вилл вейтинг фо ю. Понимаешь? Ё мавер лавз ю. Вери мач. И я тебя буду ждать. Андрюша. Сразу после фестиваля. У меня же здесь никого нет. Кроме тебя никого. Как же я-то, Андрюша? Чего ты смотришь? Ты будешь играть или нет? Уат ве хел а ю лукинг он ми. Играй! Играй, кому говорю. Играй мне свой «Ганз энд Роузиз»! Комон!

АНДРЕЙ. Мам. ты чего?

ТАТЬЯНА. Играй, я тебя умоляю!

АНДРЕЙ. Всего лишь год, мам. Я ведь вернусь.

ТАТЬЯНА. ИГРАЙ! ИГРАЙ! ДА ИГРАЙ ЖЕ ТЫ НАКОНЕЦ!

АНДРЕЙ. Хорошо. Я одну только выучил «Нокинг он хэвенз дорс»? Эту?

ТАТЬЯНА, Любую. Играй любую, что-нибудь играй. Просто играй что-нибудь и все. Я тебя умоляю, Андрюша. Умоляю, играй.

P.S

СОЧИНЕНИЕ НИНЫ КУЧКИНОЙ

MY FAMILY

Nina Kuchkina

My name is Nina and I'm sixteen years old. I live in Bugulma – big Russian city which is situated at the south of Tatarstan – big Russian region. I'm studying at the best school of our city. Number 35 at the 10 class. I have a lot of friends. We often play different games. I like to play a guitar as well. Next year I will be graduated from school and try to enter a University. What is my dream? I dream to be a teacher of English. That's why I will try to enter to Kazan, Orenburg or other big city, which has and English faculty. English is my favorite subject. I like to read English books. Especially Harry Potter and Shakespeare. Also I like English movies. May be Hitchcock is my favorite director ever. My favorite singers are Beatles and Amy Winehouse. I admire Radiohead and Oasis too. In the future I want to visit Oxford and London. And Manchester. Also I like poetry. Kits and Shelly. Especially Kits.

My teacher of English – Tatyana Victorovna Gizatulina - is my best teacher. She's like an example for me. When I become a teacher – I want to be like she. She is strong and very educated. And she loves her students. Our English lessons are the best time we spent in school. We sing and read poetry. And last time she made us familiar with David Bowie. How cool is he! Unfortunately he died some years ago. And Amy Winehouse too. But I still love their music.

My father is a master in a big factory. His name is Nicolay.

My mother is a worker in the same factory. She is Olga. They love each other. Very much. And me too.

I also love my parents. We are the great family. And I hope that we will love each other till the end of our lives. That's it. Thank you for your attention. Cheers. Goodbye.

Truly yours

Nina Kuchkina

10 A class

BUGULMA